

Театръ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются безплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

Искусство

1898 г. 2-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4-го Января.

СОДЕРЖАНИЕ: Минувшій годъ въ театральной жизни.—Еще по поводу циркуляра Театрального Бюро.—За искусство! стих. С. Фруга — Что такое искусство? (по поводу ст. Л. Н. Толстого А. Кузнецова).—Образецъ актерскаго самоубійства (изъ письма въ редакцію) В. Б.—Пѣсь торжествующей любви Ю. Блейхмана.—Искенка рисовой пудры (изъ Дусэ) А. Пивцова.—Хроника театра и искусства.—Подъ новый годъ *Потто потис*.—Исторія одной «натурсы»

№ 1.

1. Ясинскаго.—За границу.—Провин. лѣтопись.—Репертуаръ.—Объявленія. Рисунки: Парижскіе типы Л. Бакста.—Вечеръ въ память Н. А. Некрасова (3 набр. нашего художника).—Рисунки Л. Бакста къ разсказу И. И. Ясинскаго.—Портреты г-жи Абаринской (2) Куза, Леньяни, Юрковской, гг. Римскаго-Корсакова, Блейхмана, Глазунова, Тамань.—Виньетки.

Литературно-драматическій отдѣлъ — ком. «Джентльменъ» А. И. Южина.

Принимается подписка на 1898 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна на годъ 6 р.

„ „ полгода 4 „

Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ и по 2 рубля 1-го Марта и 1-го Юля. См. стр. 21.

С.-Петербургъ, 4-го января.

Минувшій 1897 годъ займетъ, несомнѣнно, почетное мѣсто въ лѣтописяхъ театра. Если не во внутреннемъ содержаніи театральной жизни, то въ вопросахъ внѣшней жизни и устройства, 1897 годъ ознаменованъ очень многимъ. Съѣздъ сценическихъ дѣятелей поднялъ интересъ общества къ театру, къ условіямъ, бытовымъ и гражданскимъ, его существованія, къ способамъ пользованія театральными зрѣлищами въ интересахъ общественныхъ и народныхъ. Какъ легко можно было предвидѣть, именно нравственное значеніе Съѣзда оказалось самымъ существеннымъ его результатомъ. Сезонъ, дѣйствительно, близится къ концу, а между тѣмъ не было почти ни одного краха, ни одного бѣгства антрепренера, ни одного изъ тѣхъ грустныхъ и позорныхъ эпизодовъ, которыми пестрѣли обыкновенно лѣтописи театральной жизни. И хотя ни одно правило, выработанное на съѣздѣ, ни одна мѣра, предложенная на немъ, не успѣли еще получить законодательнаго утвержденія, тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ, одною силою нравственной своей необходимости, вошли въ театральную жизнь и укрѣпились въ ней.

Нельзя не отмѣтить, обозрѣвая минувшій годъ, ростъ народнаго театра и общедоступныхъ спектаклей. Во многихъ городахъ или учреждены особые народные театры, или по уменьшеннымъ цѣнамъ даются спектакли для недостаточныхъ классовъ населенія. Въ тѣхъ тѣмъ проявляется энергическая дѣятельность попечительства о народной трезвости, общающаяся разростись въ цѣлую организацію народныхъ театровъ.

Все это, безспорно, факты весьма отрадные и ясно свидѣтельствующіе объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ 1897 г. театральной дѣломъ.

Обращаясь опять таки къ причинамъ, вызвавшимъ этотъ поворотъ къ лучшему, мы напрасно будемъ искать ихъ во внѣ. Ибо эти причины лежатъ внутри самой театральной жизни, въ очищеніи мысли и совѣсти сценическихъ дѣятелей, въ чувствѣ самоуваженія, которое разрослось въ нихъ и укрѣпилось, благодаря Съѣзду и тому участливому вниманію, которое выказали сценическимъ дѣятелямъ правительственныя и общественныя сферы. Вотъ истинный путь театральной реформы, которая ничѣмъ не отличается отъ всякой иной *бытовой* реформы. Познать и уважать себя, исполнять обязанности и стоять за свои человѣческія и профессиональныя права—въ этомъ сущность всякаго усовершенствованія. На рынкѣ уваженія, какъ и на рынкѣ труда, платятъ всегда минимумъ. Увы, это экономическій законъ! И задача заключается въ томъ, чтобы расширяя требованія и запросы личности, постепенно увеличивать этотъ минимумъ.

Пожелаемъ сценическимъ дѣятелямъ идти въ 1898 г. торною дорогою внутренняго роста, что всегда надежнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ дутый успѣхъ покровительства.

Мы получили отъ одного изъ антрепренеровъ подлинный текстъ циркуляра, съ которымъ Бюро Театрального Общества обратилось къ представителямъ антрепризы. Справедливость требуетъ признать, что циркуляръ составленъ въ крайне осторожныхъ и общихъ выраженіяхъ, и едва-ли могъ вызвать такой первый протестъ со стороны актеровъ. Вотъ, этотъ документъ полностью:

М. Г. Бюро имѣетъ честь покорнѣе просить Васъ быть любезнымъ не отказать сообщить краткую характеристику Вашего дѣла за текущій сезонъ, т. е. преобладающій репертуаръ, успѣхъ каждаго артиста въ отдѣльности, а также его отношеніе къ дѣлу.

Въ виду постоянныхъ жалобъ Гг. предпринимателей на то, что Гг. артисты заключаютъ контракты одновременно въ разные города и тѣмъ безусловно приносятъ нежелательный ущербъ дѣлу, будьте любезны сообщить поименно, кто изъ Гг. артистовъ приглашенъ и законтрактованъ уже Вами на сезоны 1898—1899 года. О всѣхъ лицахъ, съ которыми у Васъ будутъ подписаны контракты до поста и въ теченіи Великаго поста, хотя-бы помимо Бюро, для упорядоченія общаго дѣла, покорнѣе прошу сообщать въ Бюро немедленно, во избѣжаніе предложенія имъ другихъ ангажементовъ.

Кромѣ того, Бюро покорнѣе проситъ извѣстить, намѣрены-ли Вы продолжать дѣло въ этомъ-же городѣ, или желаете перемѣнить городъ, чтобы въ послѣднемъ случаѣ Вамъ могъ быть предложенъ другой театръ.

Посылая настоящее письмо, Бюро вполне рассчитываетъ на Ваше содѣйствіе для достиженія намѣченной цѣли, т. е. урегулированія отношеній между предпринимателями и сценическими дѣятелями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бюро проситъ принять увѣренія, что всѣ Ваши порученія, касающіяся театра и направленные въ Бюро, будутъ исполняться аккуратно и немедленно.

Въ такой формѣ циркуляръ Бюро не заключаетъ рѣшительно ничего, что могло бы задѣть самое щепетильное самолюбіе. Въ концѣ концовъ, слѣдуетъ признать, что Бюро едва ли даже могло обойтись безъ помощи подобнаго циркуляра. Бюро необходимо имѣть справки о всѣхъ дѣятеляхъ сцены, а они мѣняются, и каждый годъ ряды обновляются. Сохраняя полное безпристрастіе, мы воспроизводимъ здѣсь возраженіе того представителя театральной антрепризы, который доставилъ намъ подлинный циркуляръ.

«Согласитесь, пишетъ почтенный представитель театральной антрепризы,—что Бюро можетъ получать справки изъ трехъ источниковъ, только, если не считать указываемаго въ вашей статьѣ учрежденія «отвѣтственныхъ режиссеровъ», увы, пока существующаго лишь въ области благихъ намѣреній. Это источники слѣдующіе: 1) антрепренеры, 2) газетные отчеты, 3) агенты общества. Къ антрепренерамъ нельзя обращаться, потому что здѣсь задѣвается актерское самолюбіе. Хорошо. Газеты? Быть можетъ, еще специально театральныя, издаваемыя подмастерьями портновскаго цеха изъ мѣшанъ и сопровождаемыя приложеніями модныхъ выкроекъ? Вы сами пишете, что «къ стыду, печать зачастую служить вѣрнымъ отголоскомъ антрепренерскихъ вкусовъ». Такъ это все-таки печатъ, руководимая болѣе или менѣе просвѣщенными людьми. А что сказать о мѣшанахъ - портныхъ, которые, чтобы лучше рекламировать складъ подержаннаго платья, издають грязный листокъ, именуя его театральнымъ «органомъ»? Остаются, такимъ образомъ, свѣдѣнія, которыя можно получить отъ агентовъ. Но согласитесь, что и агенты могутъ быть пристрастны. Не въ такой степени—допустимъ, но зато и отвѣты ихъ не могутъ отличаться такой полнотой.

«Что же дѣлать? Идти актерское самолюбіе, совѣтъ не собирать никакихъ справокъ? Съѣдутся всѣ на актерскую ярмарку, актеръ Ивановъ скажетъ о себѣ, что онъ «любовникъ» и получаетъ зимою въ Рыбинскѣ 300 р. въ мѣсяцъ—предлагай его въ любовники на 300 руб.? А Иванова-то дѣйстви-

тельно перевели послѣ двухъ-трехъ спектаклей на 100 руб. и игралъ онъ молодыхъ людей въ водевиляхъ...»

«Не забудьте, что большинство антрепренеровъ въ то же время и режиссеры. Гг. Синельниковъ, Соловцовъ, Блюменталь-Тамаринъ, Незлобинъ—все это имена антрепренеровъ, которые за свои сужденія могутъ отвѣчать никакъ не меньше столь чаемыхъ «отвѣтственныхъ режиссеровъ».

«И наконецъ, согласитесь, что справедливость требуетъ предоставить антрепренерамъ право оглашать хотя имена тѣхъ актеровъ, которые заключили контрактъ, а потомъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ не пріѣхали, забравъ авансъ и всего чаще не возвративъ его...»

Мы привели этотъ голосъ антрепренера, и нельзя не согласиться, что извѣстная доля правды въ этихъ словахъ заключается. Съ своей стороны, мы приглашаемъ гг. актеровъ не волноваться. Бюро Театрального Общества столь симпатичное учрежденіе, имя г. Фадѣева окружено такимъ уваженіемъ, и репутація его столь безупречна, что никоимъ родомъ нельзя предположить, чтобы Бюро свои заключенія основывало исключительно на отзывахъ антрепренеровъ, и притомъ не въ состояніи было бы отличить пристрастный отзывъ. Самый циркуляръ составленъ, какъ мы еще выше объяснили, въ формѣ крайне сдержанной. Было бы очень печально, если бы внутренними раздорами воспользовались частныя агентства и подорвали дѣятельность молодого и симпатичнаго учрежденія, на которое въ актерскомъ мірѣ возлагали столько надеждъ...

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ контору журнала поступаетъ немало требованій полныхъ экземпляровъ журнала за 1897 г. Такъ какъ некоторые номера разошлись, то редакция ОТКРЫВАЕТЪ ПОДПИСКУ на 2-е изданіе журнала за 1897 г. и приглашаетъ желающихъ присылать заявленія, причемъ цѣна за годовой экземпляръ со всеми приложеніями назначается 5 р.

Вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, къ настоящему номеру приложены лишь первая половина пьесы „Джентльменъ“. Остальная часть будетъ разослана при № 2.

Ближайшими приложеніями предполагаются слѣдующія пьесы: новая оригинальная комедія „Маріана Ведель“, идущая въ бенефисъ М. Г. Савиной, „Золотая Ева“ Шентана (новинка театра Корши), новая одноактная комедія И. Н. Потапенко. Обѣщана въ журналѣ новая пьеса К. И. Фоломѣева (автора „Злой ямы“) — „Въ деревнѣ“.

За Искусство!

Выше бокалы, тѣнѣ сердца!
Выпьемъ за мысль и за чувство
Въ творествѣ лиры, палитры, рѣзца.
Выпьемъ, друзья, за Искусство:
Выпьемъ, чтобъ жизни и силы полно,
Стало въ лучахъ красоты и свободы
Въ годъ этотъ новый, чѣмъ было оно
Въ старые, лучшіе годы!...

С. Кругъ.

Что такое искусство?

(По поводу статьи гр. Л. Н. Толстого).

Когда въ газетахъ появились замѣтки, что графъ Л. Н. Толстой окончилъ обширную статью объ искусствѣ, это, по обыкновенію, заинтересовало общество. Многие, даже не слыхавшіе о томъ, что существуетъ журналъ подъ названіемъ „Вопросы философіи и психологіи“, немедленно заинтересовались имъ, а иные даже записались. И такъ какъ почтенная редакція философскаго журнала начало статьи напечатала въ послѣдней книжкѣ минувшаго года, а продолженіе отложила на 1898 г., то нѣкоторые записались на два года. Вообще, интересъ читающей и образованной публики къ новому труду гр. Л. Н. Толстого, по обыкновенію, оказался весьма значительнымъ, и появленія книжекъ философскаго журнала ожидали съ нетерпѣніемъ.

Тѣмъ не менѣе, отдавая должное гр. Л. Н. Толстому, не только какъ художнику огромной силы, но если угодно, даже какъ мыслителю и моралисту, о чемъ свидѣтельствуетъ успѣхъ его проповѣди—публика немногочисленнаго могла ждать отъ его новаго труда объ искусствѣ. Уже а priori можно было сказать, что едва-ли онъ удовлетворитъ даже въ слабой степени лицъ, интересующихся искусствомъ. Какое значеніе можетъ имѣть искусство, напримѣръ, съ точки зрѣнія мудреца Лао-дзи и теоріи „недѣланія“? Если идеалъ есть, вообще, недѣланіе, то самое лучшее, что можно присовѣтовать въ области художества,—это не дѣлать искусства. Если изъ „трехъ смертей“ самая прекрасная—есть смерть безсознательно произрастающаго растенія, то несомнѣнно, что слѣдуетъ стремиться къ возможно меньшему развитію и раздраженію психофизиологической организаціи, и совершенно отрѣшиться отъ эстетическихъ эмоцій. Наконецъ, вообще, отрицаніе культуры не есть-ли вмѣстѣ съ тѣмъ и отрицаніе искусства? Такимъ образомъ, казалось бы, самый трудъ объ искусствѣ, съ

точки зрѣнія послѣдовательной доктрины, является напраснымъ. Отрицаніе высшее, съ такою страстностью исходившее отъ графа Л. Н. Толстого, уже заключило въ себѣ цѣлый рядъ послѣдующихъ и подчиненныхъ отрицаній, и среди нихъ, разумѣется, и отрицаніе искусства. И если Л. Н. Толстой, все-таки посвящаетъ цѣлый трудъ вопросамъ искусства, то не доказываетъ ли это съ очевидностью, что въ самыхъ основныхъ своихъ чертахъ теорія опроверженія, недѣланія и „духовной нищеты“ ненадежна и требуетъ поправокъ и ограниченій? Истина глаголетъ устами Акима. Причемъ тутъ искусство? Акимъ, для котораго развратъ уже то, что „сортитры, какъ трактиръ издѣланы“, развѣ нуждается въ искусствѣ? Теорія рѣшительно проигрываетъ отъ такого раздробленія силы.

Трудъ Толстого объ искусствѣ является, такимъ образомъ, компромиссомъ. Очевидно, въ сферахъ жизни дѣйствительной (что есть уже противорѣчіе) и сознательной (что еще большее противорѣчіе), невозможно отказаться отъ искусства. И задача въ томъ, чтобы отмежевать искусству настоящую область и установить основы поваго искусства.

Посмотримъ-же къ чему приходитъ гр. Л. Н. Толстой и какъ онъ понимаетъ искусство. Статья только въ началѣ, но руководящая точка зрѣнія уже достаточно опредѣлилась.

Л. Н. Толстой начинаетъ статью отрицаніемъ того распространеннаго взгляда, что сущность искусства есть „производство красоты“. „Красиво“, по мнѣнію Л. Н. Толстого, можетъ быть только то, что нравится зрѣнію.

Красивымъ можетъ быть человѣкъ, лошадь, домъ, вилъ, движеніе, но про поступки, мысли, характеръ, музыку, если они намъ очень нравятся, мы можемъ сказать, что они хороши, и нехороши, если они намъ не нравятся, «красиво» же можно сказать только о томъ, что нравится зрѣнію. Такъ что слово и понятіе «хорошій» включаетъ въ себя понятіе «красиваго», но не наоборотъ: понятіе «красиваго» не покрываетъ понятія «хорошаго». Если мы говоримъ «хорошій» о предметѣ, который цѣнится по своему внѣшнему виду, то мы этимъ говоримъ и то, что предметъ этотъ красивый; но если

мы говоримъ «красивый», то это совсѣмъ не означаетъ того, чтобы предметъ этотъ былъ хорошимъ.

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ обзоръ множества эстетическихъ теорій и приходитъ къ заключенію, что всѣ онѣ чрезвычайно разнорѣчивы и неопредѣленны. Въ результатѣ эстетическихъ теорій,—

красотой въ смыслѣ субъективномъ мы называемъ то, что доставляетъ намъ извѣстнаго рода наслажденіе. Въ объективномъ же смыслѣ красотой мы называемъ нѣчто абсолютно совершенное и признаемъ его таковымъ только потому, что получаемъ отъ проявленія этого абсолютно совершеннаго извѣстнаго рода наслажденіе, такъ что объективное опредѣленіе есть не что иное, какъ только иначе выраженное субъективное. Всѣ попытки опредѣлить абсолютную красоту саму въ себѣ, какъ подражаніе природѣ, какъ цѣлесообразность, какъ соотвѣтствіе частей, симметрію, гармонію, единство въ разнообразіи и др. или ничего не опредѣляютъ, или опредѣляютъ только нѣкоторыя черты нѣкоторыхъ произведеній искусства и далеко не покрываютъ всего того, что всѣ люди всегда считали и теперь считаютъ искусствомъ.

Не находя удовлетворенія въ теоріяхъ существующихъ, Л. Н. Толстой обращается къ принципу цѣлесообразности, хотя всѣ теоріи, болѣе или менѣе, основаны на этомъ принципѣ. „Для того, чтобы опредѣлить какую либо человѣческую дѣятельность, надо понять смыслъ и значеніе ея“, говоритъ онъ,—и затѣмъ проводитъ аналогію между пищей и искусствомъ.

Разбирая вопросъ о пищѣ, никому въ голову не придетъ видѣть значеніе пищи въ томъ наслажденіи, которое мы получаемъ отъ принятія ея. Всякій понимаетъ, что удовлетвореніе нашего вкуса никакъ не можетъ служить основаніемъ опредѣленія достоинства пищи, и что поэтому мы никакого права не имѣемъ предполагать, что тѣ бѣды съ каенскимъ перцемъ, лимбургскимъ сыромъ, алкоголемъ и т. п., къ которымъ мы привыкли и которые намъ нравятся, составляютъ самую лучшую человѣческую пищу.

Точно также и красота, или то, что намъ нравится, никакъ не можетъ служить основаніемъ опредѣленія искусства, и рядъ предметовъ, доставляющихъ намъ удовольствіе, никакъ не можетъ быть образцомъ того, чѣмъ должно быть искусство.

Въ равной мѣрѣ Л. Н. Толстого не удовлетворяютъ опытные опредѣленія искусства, однимъ изъ которыхъ является опредѣленіе Верона, разобранное и изложенное въ статьяхъ г. Генкена „Законы научной критики“ („Театръ и Искусство“ за 1897 г.). Опредѣленія послѣдняго рода говорятъ не о сущности искусства, но о происхожденіи его. Неточность этихъ опредѣленій, какъ и опредѣленій метафизическихъ, происходитъ, по мнѣнію Л. Н. Толстого, опять таки отъ того, что цѣлью искусства ставится получасное наслажденіе, а не назначеніе его въ жизни человѣка и общества.

И вотъ, разрушивъ нѣсколькими фразами всѣ теоріи эстетики, отъ основателя науки эстетики Баумгартена и блестящей плеяды философовъ-метафизиковъ, вплоть до Верона, Сюлли, Спенсера,—Л. Н. Толстой предлагаетъ собственную теорію и собственное опредѣленіе, которое, заключая метафизическую сущность предмета, одновременно опирается и на принципъ цѣли, и содержитъ опытное объясненіе проявленій и свойствъ искусства. Столь гениальная, по смѣлости и краткости, теорія сводится къ слѣдующему: Искусство есть одно изъ средствъ общенія людей между собою; искусствомъ люди передаютъ другъ другу свои чувства; и наконецъ, дѣятельность искусства основана на томъ, что люди способны заражаться чувствами другихъ людей. Въ совершенно законченномъ видѣ, теорія Л. Н. Толстого гласитъ слѣдующее:

„Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками, передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ“.

На этомъ опредѣленіи заканчивается первая часть статьи Л. Н. Толстого. Какое развитіе сдѣлаетъ авторъ въ дальнѣйшемъ изъ своего опредѣленія—неизвѣстно, но думается, едва-ли стоило опровергать столько теорій для того, чтобы создать новое, которое нисколько не лучше, а пожалуй, и хуже опровергнутыхъ. „Искусство есть средство общенія людей между собою“. Совершенно справедливо, но это нисколько не характерно. Средствомъ общенія людей между собою являются и желѣзныя дороги. „Искусствомъ люди передаютъ другъ другу свои чувства“. И это вѣрно, но чувства передаются и безъ всякаго искусства. Объясненіе въ любви есть, несомнѣнно, передача чувства, но едва-ли безхитростная рѣчь простого сердца, дѣлающая свои признанія, есть искусство. Крикъ ужаса тоже передаетъ чувство; широкій жестъ, выразительная мимика—все это передаетъ чувства. Наконецъ, способность „заражать“ другихъ—совсѣмъ не эстетическая, но специально психологическая способность. Всѣ нравственные эпидеміи, психологія героев и толпы, всѣ явленія такъ называемой „мимикричности“ т. е. подражательности, гипнотизма и пр. основаны на способности зараженія. Что же тутъ характернаго для искусства? И оптомъ, и въ розницу, эти признаки нисколько не характеризуютъ особенностей искусства. Это опредѣленіе неудовлетворительно съ точки зрѣнія опытной, и не отличается проникновеніемъ въ смыслѣ философскомъ. На сколько глубже, напримѣръ, опредѣленіе Канта, по которому основу эстетическаго чувства составляетъ сужденіе безъ понятій и удовольствіе безъ желаній, или опредѣленіе Шеллинга, что искусство есть бессознательная безконечность и высшее средство познанія. (Срав. замѣчаніе Баратынскаго: „Поэзія есть полное ощущеніе минуты“).

Въ томъ, что опредѣленіе Толстого, какъ таковое, неудовлетворительно, нѣтъ особенной бѣды. Метафизическая вѣра въ то, что опредѣленіе („дефиниція“) способно раскрыть сущность, абсолютъ вещей, давно миновала, и нужно удивляться Л. Н. Толстому, что онъ столько мѣста удѣляетъ диалектическому опроверженію чужихъ опредѣленій и такъ хлопочетъ о собственномъ опредѣленіи. Но тенденціи Толстого сказывается не въ опредѣленіи, а въ попутныхъ мысляхъ, и здѣсь мы дѣйствительно наталкиваемся, уже на первыхъ порахъ, съ весьма узкимъ толкованіемъ цѣлей и задачъ искусства.

Центръ тяжести, разумѣется, въ отрицаніи понятія красоты. Это имѣетъ существенное значеніе. Если красоты не существуетъ, то искусство является не только по отдаленнымъ своимъ цѣлямъ, но и по непосредственнымъ основаніямъ, синонимомъ дѣятельности нравственной и морализующей. Г. Рѣпинъ, не совсѣмъ твердо усваивающій не совсѣмъ твердыя мысли своего учителя, такъ прямо и написалъ не очень давно, что писать картины онъ не будетъ, а станетъ дѣлать добро, потому что это и проще, и прямѣе. Л. Н. Толстой пытается дать этому взгляду теоретическое оправданіе, но едва-ли оно удовлетворительно.

Красота несомнѣнно существуетъ сама по себѣ. Я не хочу этимъ сказать, что она есть такая-то и такая-то сторона познающаго духа, какъ говорили метафизики. Мы не знаемъ, да и не можемъ знать конечной причины и исходнаго пункта вещей, но съ исторической, а тѣмъ болѣе, съ практической точки зрѣнія, очевидно, что дѣятельность искусства отнюдь не тождественна ни съ утилитарными, въ тѣсномъ смыслѣ, задачами пользы, ни съ нравственною, опять таки въ специальныхъ предѣлахъ, человѣческой дѣятельностью. Ибо художникъ мо-

жетъ развращать нравы и наносить явный вредъ и ущербъ практическимъ интересамъ, и все-таки быть художникомъ. Въ видѣ эволюціонной постепенности можно прослѣдить отвлеченіе дѣятельности искусства отъ родственнѣхъ задачъ пользы и морали. Но въ настоящемъ, искусство есть служеніе внутреннему, интуитивному началу красоты, подобно тому, какъ нравственность, въ чистомъ значеніи этого слова, есть безвыгодное служеніе идеалу внутренней правды, что такъ прекрасно выражено у Шпллера. Искусство эволюціонно развивается изъ познаний добра и пользы, но по мѣрѣ дифференціаціи, возникаетъ самостоятельное понятіе „красоты“, которое нельзя мыслить иначе, ибо корни и нити происхожденія затерялись.

Такимъ образомъ, не утверждая, что красота есть нѣчто „непознаваемое“, мы должны въ то же время признать, что въ обиходѣ нашей жизни и нашего чувственного и сознательнаго воспріятія впечатлѣній внѣшняго міра, существуетъ особая область, которая не есть ни польза, ни нравственность, но которая есть искусство. Эволюціонная теорія не только не подрываетъ такого воззрѣнія, но наоборотъ, подтверждаетъ его. Ибо вся космогонія эволюціонно объясняется изъ постепеннаго сгущенія атмосферы и т. п., — а развѣ это препятствуетъ намъ отличать звѣзды и планеты; въ геологическихъ образованіяхъ живыхъ существа? Развѣ мы смѣшиваемъ человѣка съ свѣтлымъ газомъ, съ нѣтъ ли пальмой? Подобно этому, единство происхожденія не должно закрывать наши глаза на послѣдующую дифференціацію, которая ясно различаетъ служеніе пользѣ и нравственности отъ служенія красотѣ.

И далѣе: насъ не должны смущать спутанность и сбивчивость опредѣленій красоты, и самая невозможность опредѣлить ее. И пользу, и благо, и добро, и любовь опредѣлить одинаково трудно, и содержаніе ихъ вѣчно мѣняется. Это не мѣшаетъ намъ, временно сущимъ и преходящимъ, съ своей поспѣшной, человѣческой точки зрѣнія, судить объ этихъ вещахъ и жить согласно съ нашими объ нихъ представленіями.

Подождемъ продолженія любопытной статьи Л. Н. Толстого. Но и теперь нельзя не замѣтить, что стремленіе къ простѣйшему и единому, составляющее сущность мировоззрѣнія Толстого, можетъ именно въ области искусства привести къ наиболѣе яркимъ и очевиднѣйшимъ парадоксамъ.

А. Кугель.

ОБРАЗЕЦЪ АКТЕРСКАГО САМОМНѢНІЯ.

(Изъ письма въ редакцію).

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ московскаго журнала: „Русское Обозрѣніе“ помѣщена статья: „Судьбы русскаго театра“, принадлежащая перу артиста московскаго Малаго театра — К. В. Корсакъ. Статья составлена добросовѣстно и свидѣлствуетъ объ извѣстной эрудиціи ея автора — въ области театальной литературы въ Россіи; тѣмъ не менѣе, на стр. 342, мы наталкиваемся на одинъ изъ поразительнѣйшихъ образцовъ актерскаго самомнѣнія. Говоря о подплатѣ общаго уровня сценическаго исполненія въ настоящее время, г. Корсакъ продолжаетъ далѣе въ слѣдующемъ тонѣ: „Повысился также и общій уровень образованія и развитія артистовъ настолько, что зачастую, почти всегда, актеръ выше автора. Это, во-первыхъ, видно изъ того, что актеры постоянно, благодаря своей игрѣ, „передѣлываютъ“ по своему пьесу до неузнаваемости — п передѣлываютъ *ко благу и спасенію автора*; во-вторыхъ, по хорошему исполненію — тѣмъ же актерами — пьесъ классическаго репертуара, въ третьихъ, еще

потому, что въ послѣднее время наши авторы стали писать, если можно такъ выразиться, „песы-роли“ — для извѣстныхъ актеровъ — любимцевъ, разумеется, въ разсчетъ на то, что они выведутъ пьесу, она будетъ дѣлать сборы, а авторы панознать свои карманы авторскимъ гонораромъ“.

Разберемся въ доказательствахъ, приводимыхъ г. Корсакъ въ оправданіе его актерскаго самомнѣнія.

Во-первыхъ, до сихъ поръ всякія понозновенія актеровъ — передѣлать какую-нибудь, не только талантливо, но даже посредственно написанную пьесу, служили далеко не въ пользу драматическаго произведенія. Чуткій зритель всегда инстинктивно ощущаетъ всякую актерскую передѣлку, вставку и такъ-называемую „отсебятину“. Правда, не обильно наше время талантливыми драматургами, но все-же у насъ есть: и графъ Л. Н. Толстой, и Вл. Немировичъ-Давченко, и Пнажинскій, и Гиббичъ, которыхъ передѣлывать въ ихъ собственному „благу и спасенію“ было бы вошющею актерскою дерзостью; во-вторыхъ, и не знаю въ настоящее время актеровъ, которые бы, за исключеніемъ М. Н. Ермоловой, чувствовали себя на мѣстѣ — въ классическихъ пьесахъ. Не говоря уже о петербургской Императорской сценѣ, гдѣ классическія пьесы играютъ совершенно разучились, и гдѣ, за послѣднее время, каждая попытка возобновленія ихъ оканчивалась весьма печально, какъ, напр., возобновленіе нѣсколькихъ тому назадъ „Укрошенія строптивой“ Шекспира, недавня сравнительно постановка: „Фальстафа“, „Вильгельма Телля“ Шпллера — но даже и на московской Императорской сценѣ, яко-бы славнейшей исполненіемъ классическихъ пьесъ, нѣтъ артистовъ, чувствующихъ себя на мѣстѣ въ классическомъ репертуарѣ, не исключая самаго выдающагося изъ нихъ — г. Южина. Свободно носить испанскій костюмъ XVI столѣтія — не значить еще овладѣть всей своеобразной психологіей испанца того времени. Едва-ли, такимъ образомъ, современные русскіе драматическіе артисты — чувствуютъ себя на мѣстѣ въ классическихъ пьесахъ. Въ третьихъ, „песы-роли“ не выходятъ изъ подъ пера, насколько мы извѣстно, выдающихся современныхъ русскихъ драматурговъ, а скорѣе являются чисто „субъективной“ формой творчества нѣкоторыхъ авторовъ, и потому г. Корсакъ не имѣетъ права дѣлать обобщенія. Крайне неумѣстна также ссылка г. Корсакъ, въ подтвержденіе его актерскаго самомнѣнія, на Бѣлинскаго, который, если и писалъ, что „любовники актеровъ чувствуютъ себя выше пьесъ, въ которыхъ играютъ“, что „актеръ имѣлъ дѣло съ ролями ничтожными, пустыми, безъ мысли, безъ характера, которыя ему нужно натягивать и растягивать до себя“, такъ вѣдь писалъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда на московской сценѣ подвизались такіе гении, какъ Мочаловъ и Щепкинъ, а не въ настоящую минуту. И что-бы ни писалъ еще г. Корсакъ или какой-нибудь другой актеръ на ту-же тему, — актеръ всегда останется то-лико тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Я припоминаю мѣткую характеристику актера, въ одной изъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ газетѣ „Фигаро“ (1893 г., октябрьскіе номера), подъ общимъ заглавіемъ „Нѣсколько мыслей о современной практикѣ сценическаго искусства“ и подписанныхъ псевдонимомъ „Un poète“. Что такое въ сущности актеръ? задаетъ вопросъ авторъ статьи, и отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Слуга авторовъ — не болѣе. Пусть же онъ будетъ выразителемъ, т. е. обладаетъ средствами выраженія: рѣчью, физиономіей, фигурой и жестомъ. Пусть онъ будетъ гибокъ и послушенъ“. Послушенъ авторамъ, добавлю уже я отъ себя, тѣмъ болѣе, что самый великій актеръ не существуетъ безъ автора: и Дюза и Сара Бернаръ — безъ Александра Дюма и Сарду не болѣе, какъ финкн, авторъ же и безъ актера есть лицо — явное и реальное, ибо любилъ драматическая вещь — можетъ быть напечатана и сдѣлаться достояніемъ публики, безъ посредства актера, безъ актерскихъ передѣлокъ, „ко благу и спасенію“ автора драматическаго произведенія. В. Б.

Отъ редакціи. Мы помѣстили это письмо, хотя не все въ немъ представляется намъ справедливымъ. Разумеется, апологія актерскихъ измѣненій, которая проповѣдуетъ г. Корсакъ, толкая о судьбахъ русскаго театра, — есть вещь безобразная съ литературной точки зрѣнія, потому что не актеръ, вызывающій на сценѣ о собственномъ просвѣщеніи, но авторъ создалъ и выноситъ на своихъ плечахъ и въ своей груди тайну творчества. Но, съ другой стороны, идеалы, которые излагаются въ статьяхъ „Фигаро“ на которые ссылается г. А. Б., представляютъ такое умышленіе сценическаго генія и искусства, которое граничитъ съ самымъ его отрицаніемъ. Статья „Фигаро“, собственно, узаконяетъ только практику французской сцены, гдѣ авторъ требуетъ не удобовольной игры, но точнаго выполненія его предначертаній. Вотъ между прочимъ, одна изъ причинъ современнаго паденія французскаго сценическаго искусства. Ибо если сценическое

искусство есть художественное творчество, то должна же существовать законная область индивидуальной свободы въ дѣлѣ толкованія и перевоплощенія. Не подражательность составляетъ сущность сценическаго искусства, но претвореніе. Сценическая игра есть самостоятельный рядъ творчества, и самая способность перевоплощенія лишь постольку цѣнна, поскольку она освѣщается личнымъ началомъ актера. Вотъ то основаніе, которымъ руководствовались мы, отрицая въ Режанъ сильный талантъ и смѣло признавая Дузъ несравненнымъ гениемъ сцены.

Пѣснь торжествующей любви.

(«Пѣснь торжествующей любви», опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ А. Симона, либретто, по Тургеневу, Н. Вильде. Опера представлена въ 1-й разъ въ Москвѣ, на сценѣ Большого театра 2-го декабря 1897 г.).

Недавно, въ бытность мою въ Москвѣ, мнѣ пришлось услышать новинку текущаго сезона, оперу А. Симона «Пѣснь торжествующей любви», дающуюся съ успѣхомъ на сценѣ Большого театра. Я былъ на четвертомъ представленіи этой оперы, и театръ былъ полонъ, что доказываетъ, конечно, прочность успѣха. Произведеніе Симона дѣйствительно вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Главное достоинство оперы Симона то, что въ ней есть «музыка». Казалось-бы страннымъ что могутъ сочиниться оперы безъ музыки, но увы, это такъ. Поэтому, если въ музыкальномъ произведеніи удастся пайти «музыку», ея присутствіе слѣдуетъ считать достоинствомъ произведенія. И въ жизни, вѣдь, если кто-нибудь отзывается о другомъ, что такой-то, молъ, порядочный человѣкъ, то это считается тоже достоинствомъ, хотя казалось-бы, что долъь каждаго быть порядочнымъ человѣкомъ. Такъ вотъ и «музыка» въ музыкѣ оказывается достоинствомъ.

И такъ, опера Симона должна доставить удовольствіе всѣмъ, кто считаетъ благозвучіе одной изъ главныхъ основъ музыки.

Касаясь содержанія «Пѣсни торжествующей любви» не стану, ибо оно всѣмъ извѣстно. Либретто составилъ Н. Вильде (по Тургеневу). Разбирать его достоинства или недостатки съ литературной точки зрѣнія—дѣло специалистовъ. Я-же коснусь его настолько, насколько оно касается музыкальнаго произведенія, насколько оно съ нимъ находится въ связи. Недостатокъ его, по моему мнѣнію, въ неравномѣрномъ распредѣленіи актовъ. Первый актъ, вѣчто вроде пролога, очень краткій, второй-же и третій растянуты.

Фабула оперы смѣло уложилась-бы въ болѣе сжатую форму. Недостатки оперы находятся въ связи съ недостатками либретто: возвращеніе Муція съ далекаго востока, рассказы о востокѣ, сцена фокусовъ, а главное, танцы (ихъ четыре и всѣ одинаковаго колорита)—все это слишкомъ длинно и утомительно. При блестящей обстановкѣ оперы въ Большомъ театрѣ, она смотрится еще съ относительнымъ интересомъ, по перепесите ее на частный сцену, не распознающіи средствами, и эта часть оперы будетъ смотрѣться съ полнымъ равнодушіемъ.

Первое дѣйствіе слабое по либретто, слабо и по музыкѣ. Композитору негдѣ развернуться, а потому лкоремъ спасенія для него является дважды проходившая по сценѣ процессія, для которой Симонъ и сочинилъ маршъ. Этого маршъ, слѣдовательно, играть существенную роль, занявши собой лишній жизни первый актъ. Процессія и марши въ операхъ какъ будто отжили свой вѣкъ. На пѣхъ лежитъ какой-то отпечатокъ пассивности. То-же впечатлѣніе производитъ и процессія перваго дѣйствія нъ оперѣ Симона, хотя по музыкѣ маршъ и не лишень извѣстнаго колорита (процессія отираляется и возвращается съ тур-вира). Второе дѣйствіе, если не обращать вниманія на длиноту, смотрится съ интересомъ и слушается съ большимъ удовольствіемъ. Вступленіе, романсъ Валеріи, дуэтъ съ Фабіемъ, восточный танецъ съ хоромъ, пѣснь торжествующей любви, сцена п соиз Валеріи—все это помера поэмы музыки благороднаго стиля и достойны вниманія. Некоторые изъ нихъ, вѣроятно, вскорѣ станутъ поплясывать въ программахъ концертовъ. Остановлюсь на самой выповнищ оперы, на «пѣснѣ торжествующей любви». Она сплошь красива, начиная съ соло на скрипкѣ *)—вступленіе къ

пѣснѣ. Это благодарный номеръ также и для пѣвцовъ, и пусть баритоны поспѣшатъ съ нею познакомиться. Ихъ репертуаръ не великъ, и пѣснь эта будетъ желанной гостьей. Она начинается съ красивой, снокойной мелодіи, которая, во вступленіи, исполнилась на скрипкѣ, затѣмъ она оживляется, становится постепенно все шире и страстнѣе, разливается, словно лава, и достигаетъ своего апогея въ концѣ пѣсни, когда оркестръ сливается съ пѣвцомъ, подъ аккомпаниментъ арфы. Отсюда и впечатлѣніе, произведенное пѣсней на Валерію,—это вполнѣ естественно.

Впослѣдствіи авторъ пользуется темой этой пѣсни для разработкы. Она является Leitmotiv'омъ любовной мести Муція. Если послѣ 1-го дѣйствія слушатель остался нѣсколько равнодушнымъ къ музыкѣ и возвращается въ зрительный залъ безъ особыхъ надеждъ, то со 2-го акта авторъ овладѣваетъ публикой и живо заинтересовываетъ ее.

Третье дѣйствіе не ослабляетъ интереса. Хоръ дѣвушекъ Валеріи, романцетто Фабіи, — все это номера, которые указываютъ на художественное чутье автора и на его несомнѣнное благородное мелодическое дарованіе.

Съ технической стороны, Пѣснь торжествующей любви* изобличаетъ въ г. Симонѣ недурного музыканта. Оркестрована опера эффектно, хотя инструментовки ея и кажется порой нѣсколько монотонной, вследствие того, что г. Симонъ часто прибѣгаетъ къ однимъ и тѣмъ-же приемамъ.

Мѣстами авторъ заглупаетъ пѣвцовъ. Этотъ грѣшокъ водится.

Публика не скупилась на аплодисменты и награждала ими автора и исполнителей, заставляли повторить нѣкоторые номера партитуры. Вообще, московская публика съ большимъ интересомъ относится и къ музыкѣ, и къ исполнителямъ. Это не наша чопорная абонементная публика, прѣзжающая въ театръ скорѣе для процесса нищеваренія, нежели для того, чтобы сознательно слушать, анализировать и дѣлать музыку. Она способна расколотить любого пѣвца. А между тѣмъ та же публика не скупились на аплодисменты и восторги, когда слушаютъ безголосыхъ итальянскихъ пѣвцовъ, которыми, за исключеніемъ Ваттистини, уже пора въ богатыню. У одного голоса дрожитъ, у другого тремитъ, у третьяго свиститъ, а посмотрите-ка какъ ихъ превозносятъ! Усуживные музыкальные рецензенты не скупились на похвалу, и если сегодня и ругнуть пѣвцу или пѣвца, то завтра-же припишутъ заслуживать свою вину. Такія ужъ это мнѣнія сердца, когда дѣло коснется иностранныхъ артистовъ! Дайте нашимъ абонентамъ совершенно такихъ-же пѣвцовъ, по пусть они не называются Мазини, Уэтамъ и т. д., а Сидоровъ или Карпѣвъ, и вы, увидите, что будетъ. Впрочемъ, кажется публика, благодаря стараніямъ дирекціи итальянской оперы, привыкла къ расшатавшимся и сильнымъ голосамъ. И вотъ почему... она ихъ поддерживаетъ даже въ отечественной оперѣ.

Я не стану говорить какъ исполняются итальянскія оперы: хоры безжизненны, врутъ, кто по-итальянски, кто по-французски, а кто и Богъ знаетъ на какомъ нарѣчій. А оркестръ?.. Впрочемъ, довольно! Побѣдителей не судятъ! Дай имъ всѣмъ Богъ вернуться къ намъ и на будущій сезонъ и восхвалитъ нашихъ меломановъ въ покрытой архаической пылью операхъ.

И отвѣкая отъ моей задачи. Опера Симона обставлена блестяще. Во всемъ видѣвъ интересъ, съ которымъ отнеслись къ произведенію Симона.

Исполнителями главныхъ ролей были: г-жа Маркова (Валеріи), г. Кошицъ (Фабіи), г. Пиньялоза (Муцій) и г. Гельдери въ роли нѣмого мальчика.

О послѣднемъ вужво отозваться съ болѣе похвалой. Это большой артистъ. Онъ положительно создалъ эту отвѣтственную роль. У г-жи Марковой хорошиіи голосъ, правда, нѣсколько рѣзкій на верхкахъ. Г. Кошицъ выигралъ бы, еслибы не сдавливалъ звука. Отлично пѣлъ г. Пиньялоза. Къ сожалѣнію, игра его оставляетъ желать многого. Впрочемъ, и г-жа Маркова и г. Кошицъ въ этомъ отношеніи—не герои.

Хоры и оркестръ или стройно, по г. Альгани заставляетъ вевовно вспоминать нашего Направника, у котораго играютъ 192 человѣка, а кажется, будто играетъ всего одинъ. Такое единство въ оркестровомъ исполненіи рѣдко гдѣ приходится встрѣчать.

Въ заключеніи пожелаемъ, чтобы нашъ бѣдный репертуаръ обогатился оперой Симона, которая лицомъ не съ предвзятыми убѣжденіями навѣрное поправится и удержится въ репертуарѣ.

Уступи ей мѣсто, дѣдушка Фра-Диаволо! Право, довольно тебѣ разбойничать въ репертуарѣ!

Ю. Блейхманъ.

*) Это соло блестяще исполняется новымъ концертмейстеромъ Большого театра, г. Крайномъ, въ лицѣ котораго оркестръ приобрѣлъ первокласснаго артиста.

✧ Пѣсенка рисовой пудры. ✧

(Изъ Дусэ).

— Свои локоны пудрите вы! —
Говорилъ старый вѣкъ — вѣкъ каприза,
И — раба пошлой, свѣтской моды —
Ты все пудрила ихъ, о маркиза!

* * *

Тотъ-же грѣхъ, что весну холодитъ,
Что цвѣты заривать въ снагъ вѣломя,
Тотъ-же грѣхъ былъ тебѣ — хоронить
Свои кудри и щеки подъ мѣломя..

* * *

Пусть въ театрѣ актеръ предъ игрой
Себя красить: ему то пригоже —
Онъ обязанъ... Но пудренный слой
На ланитахъ твоихъ для чего-же?

* * *

Кѣль твоя улучшится краса?..
Посмотри-жь на цвѣты полевые:
Кѣхъ румянить одна лишь роса,
Кѣхъ вѣять только вѣтры ночные!

* * *

Лишь на мигъ подарить мой пушокъ, —
О кокетка! — отъенокъ тотъ нѣжный;
А глядишь, налетѣлъ вѣтерокъ,
И исчезъ пухъ отъ ласки мятежной!..

* * *

Ты подумай: легка я какъ дымъ,
Я изящна, но толку здѣсь мало.
Ахъ, подъ нѣжными лобзаньями моими
Сколько личиковъ чудныхъ увяло!..

А. Пѣвцовъ.

ХРОНИКА

театра и искусства

Въ „Москов. Вѣдом.“ и „Варшавскомъ Дневникѣ“ появились телеграммы, очевидно, изъ одного источника, гласящія о томъ, что въ нынѣшнемъ Великомъ посту будутъ повсемѣстно разрѣшены спектакли. Едва ли это справедливо. Частныя разрѣшенія, какъ мы слышали, дѣйстви-тельно снисходатайствованы. Такъ, мы слышали, что въ Одессѣ будетъ постомъ русская опера съ г. Фигнеромъ во главѣ. Такъ, носятъ упорные слухи, что предполагается разрѣшить спектакли Литературно-артистическому кружку. Но о повсемѣстномъ разрѣшеніи потому не можетъ быть уже рѣчи, что подобное разрѣшеніе можетъ воспослѣдовать лишь въ формѣ общей правительственной мѣры.

* * *

Какъ мы слышали изъ источниковъ, заслуживающихъ довѣрія, предполагается перевести изъ Нижняго въ Петербургъ пѣкоторыя выставочныя зданія, приспособивъ ихъ для устройства народнаго театра. Мѣсто, избрано, какъ говорятъ на Семеновскомъ плацу. Въ устройствѣ этого театра дѣятельное участіе принимаетъ попечительство народной трезвости.

* * *

Директору московскаго филармоническаго училища, г. Шостаковскому, оставившему ксати свой постъ, пожалованъ Владимиръ 3 степени.

* * *

Устраиваемые дирекціею въ Маринскомъ театрѣ маскарады много публики не привлекаютъ; послѣдній-же маскарадъ, состоявшійся въ воскресенье, 28 декабря, отличался особеннымъ безлюдьемъ и скукою. Ложи были пусты, оригинальныхъ костюмовъ не было, и единственнымъ развлеченіемъ для публики служили танцы, которые не смотря ни на талантливаго распорядителя г. Татарина, ни на прекрасный струнный оркестръ г. Розенфельда, какъ-то не клеились и вскорѣ прекратились. Публика начала разѣзжаться съ 2-хъ часовъ, а къ 3-мъ часамъ зрительный залъ уже замѣтно опустѣлъ.

* * *

На сценѣ театра Эрмитажа, если вѣрить слухамъ, предполагается поставить „Женитьбу“, причемъ Агафью Тихоновну будетъ играть г-жа Савина, Подколесина — г. Давыдовъ и Анучкина — г. Горевъ.

* * *

А. И. Абаринова. 2 января состоялся бенефисъ заслуженной артистки А. И. Абариновой, данный ей за 25-лѣтнюю сценическую дѣятельность. Сообщаемъ біографическія свѣдѣнія о почтенной артисткѣ. А. И. Абаринова дочь заслуженнаго генерала; воспитаніе получила въ петербургскомъ Патриотическомъ Институтѣ, причежъ за заслуги отца была пенсіонеркой Его Величества, и окончила курсъ съ большимъ золотымъ шифромъ. Еще въ Институтѣ обращалъ вниманіе ея голосъ (контральто). По выпускѣ изъ института А. И. отправилась въ Италію (Миланъ), гдѣ продолжала совершенствоваться у извѣстнаго учителя пѣнія Lamperti. Послѣ перваго дебюта въ Одессѣ была приглашена на слѣдующій 1862 — 63 г. сезонъ въ Москву, гдѣ пѣла въ итальянской оперѣ. Выйдя въ томъ же году замужъ (А. И. по мужу Рейхельтъ), она оставила сцену на 5 лѣтъ. Затѣмъ опять вернулась къ оперной дѣятельности и снова пѣла въ Одессѣ и Тифлисѣ. Въ 1872 г. А. И. дебютировала въ Петербургѣ въ опереткѣ „Перикола“ съ большимъ успѣхомъ и продолжала этотъ сезонъ играть въ опереткѣ. Въ 1878 году А. И. перешла въ драму, причежъ дебютировала въ Александринскомъ театрѣ въ „Паутинкѣ“ Манна въ роли Лемтюгиной. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю А. И. въ роляхъ Демьяновой „Лакомый кусочекъ“, Реневой „Свѣтитъ на не грѣтъ“, Эльмиръ „Тартюфъ“, Лидія „Блуждающіе огни“ и др. Въ настоящее время А. И. перешла на амплуа grande-dame и „благородныхъ матерей“; княгиня Шастунова „Ольга Равцева“, Алейкина „Нисіе духовомъ“, Огудалова „Безприданница“, Графиня „Общество поощренія скуки“, „Татьяна Рѣпина“, „Плоды росвѣщенія“, „Жизнь Илимова“, „Перчатка“, „Ревизоръ“, „Лѣсъ“, „Защитникъ“ и др. А. И. много путешествовала и въ продолженіи 20 лѣтъ объѣхала почти всю Европу. Въ бенефисъ свой, 2 января, г-жа Абаринова возобновила давно уже не педшую пьесу А. А. Потѣхина „Виноватая“.

* * *

А. И. Абаринова.
(Съ современной фотографіи).

А. И. Абаринова.
(Съ фотографіи 25 лѣтъ назадъ).

15-го января состоится бенефисъ премьерши Александринскаго театра М. Г. Савиной; пойдетъ новалъ пьеса, комедія въ 5 картинахъ, „Маріанна Ведель“. Авторъ пьесы, скрывшійся подъ псевдонимомъ Рябова и впервые выступающій, какъ драматическій писатель, принадлежитъ къ здѣшнему „большому свѣту“. Сюжетъ комедіи взятъ изъ жизни великосвѣтскаго общества. Центральное лицо пьесы, Маріанна Ведель будетъ исполнять М. Г. Савина.

* * *

Фонографъ въ роли аккомпаниатора.

Извѣстно, съ какими неудобствами связаны балетныя репетиціи подъ аккомпаниментъ музыки. Имѣть подъ рукою опытнаго аккомпаниатора на роялѣ, а тѣмъ менѣе оркестръ не всегда возможно. Остроумно воспользовалась для этой цѣли фонографомъ наша извѣстная балерина г-жа Кшесинская. Располагая фонографомъ, наиболее усовершенствованнаго устройства, она распорядилась, чтобы аккомпаниментъ исполняемыхъ ею въ балетѣ „Дочь Микадо“ танцевъ былъ исполненъ передъ инструментомъ. Благодаря этому, балерина имѣетъ возможность теперь репетировать танцы безъ помощи аккомпаниатора.

* * *

О новомъ балетѣ „Раймонда“. Каждый новый балетъ составляетъ въ балетномъ мірѣ въ своемъ родѣ эпоху. Обыкновенно о новомъ балетѣ у насъ начинаютъ говорить чуть ли не за годъ. Театральная администрація хлопочетъ объ его монтажѣ и пьесировкѣ, балетмейстеръ объ удачной постановкѣ танцевъ, исполнители о технической выработкѣ своихъ вариаций и объ отдыскѣ раз газеты подобно героизмамъ, посвящаютъ читателей въ тайны предполагаемыхъ сценическихъ эффектовъ и хореографической его содержательности, и трубятъ или объ его „несомнѣнныхъ художественныхъ достоинствахъ“ или объ его „безспорныхъ недостаткахъ“, сулятъ ему „провалиться“ или быть „гвоздемъ сезона“, а балетоманы бродятъ въ недоумѣніи, разводя руками и спрашивая другъ друга, — чему вѣрить, чему вѣтъ.

О балетѣ „Раймонда“ ходитъ толковъ едва ли не больше, чѣмъ о „Дочери Микадо“. Кто говоритъ, что въ этомъ балетѣ выведена исторія крестовыхъ походовъ, и якобы, по случаю возвращенія изъ удачнаго похода венгерскаго короля Андрей II, въ одномъ изъ актовъ будутъ даже танцовать, съ масляными вѣтвями въ рукахъ, венгерское раз крестоносцы, кто говоритъ, что балетъ „Раймонда“ не историческій, а легендарный, и что сюжетъ его взятъ авторомъ не то изъ арабскихъ сказокъ, не то изъ оперы „Бѣлая дама“, и т. п. На самомъ же дѣлѣ сюжетъ этого балета заимствованъ, какъ гласитъ афиша, изъ рыцарской легенды, и хотя страдаетъ историческими противорѣчіями и не отличается избыткомъ драматическаго движенія, по во всякомъ случаѣ, не лишена сценичности и нѣкотораго интереса. Вотъ вкратцѣ содержаніе.

Въ замкѣ графини Раймонды де-Дорисъ (декорація г. Аллегри) идутъ дѣятельныя приготовления къ предстоящему празднованію именинъ (?) владѣльцы замка. Пажы и молодцы дѣвушки изъ свиты Раймонды подъ аккомпаниментъ трубадуровъ танцуютъ, но веселье прерываетъ суровая графиня Сибилла (тетка Раймонды); она приказываетъ унести люти и виолы и угрожаетъ ослушникамъ появле-

ніемъ тѣни родоначальницы дома де-Дорисъ, извѣстной подъ именемъ „Бѣлой Дамы“, а появленіе „Бѣлой Дамы“ знаменуетъ предостереженіе отъ угрожающей опасности. Въ это время пріѣзжаетъ гонецъ отъ жениха Раймонды, рыцаря Жана де-Бриенъ, который письмомъ уведомляетъ свою невѣсту, что послѣ блистательной побѣды, онъ не далѣе какъ черезъ день, пріѣдетъ въ замокъ для бракосочетанія съ Раймондой. Между тѣмъ, неожиданно для всѣхъ, въ замокъ де-Дорисъ пріѣзжаетъ сарацинскій рыцарь (?) Абдеррахманъ, который съ перваго же взгляда влюбляется въ очаровательную Раймонду, а узнавъ о предстоящей свадьбѣ, рѣшаетъ ее похитить. Когда всѣ вассалы, гости и свита расходятся, и Раймонда, встревоженная любовными преслѣдованіями навязчиваго Абдеррахмана, остается одна, внезапно появляется тѣнь „Бѣлой Дамы“, которая повелительнымъ жестомъ приказываетъ оцѣпенѣвшей отъ ужаса Раймондѣ слѣдовать за собою и въ рядѣ пророческихъ видѣній, указываетъ ей на грядущіи опасности.

Второй актъ (декорація г. Иванова) изображаетъ украшенный цвѣтами и флагами залъ въ томъ же замкѣ, гдѣ происходитъ устроенное графиней, въ честь любимаго жениха, состязаніе—tribunal d'amour. На состязаніи прибыль и Абдеррахманъ, снова признающійся Раймондѣ въ своей страсти. Не встрѣчая сочувствія, онъ рѣшается, наконецъ, взять Раймонду силою. Но тутъ появляются венгерскій король Андрей II и Жанъ де-Бриенъ. Молодой и храбрый рыцарь освобождаетъ невѣсту изъ рукъ рабовъ Абдеррахмана и по повелѣнію короля, вступаетъ со своимъ соперникомъ въ поединокъ, оканчивающійся смертью Абдеррахмана.

Третій актъ представляетъ, въ саду при замкѣ де-Бриенъ (декорація г. Ламбина), свадебный пиръ, на которомъ, въ

А. К. Глазуновъ.

честь присутствующаго короля Андрея II, дается большой венгерскій дивертисментъ. Балетъ заканчивается апофеозомъ, изображающимъ рыцарскій турниръ.

Таково содержаніе новаго балета. Лучшій актъ—первый; второй же и третій почти совсѣмъ лишены драма-

Пысерина Ленянина.

тического элемента, и даютъ рядъ немотивированныхъ ходомъ дѣйствій танцевъ, принимающихъ характеръ дивертисмента. Что же касается до „исторіи“, то либретто новаго балета, принадлежащее перу г-жи Л. Пашковой, довольно безцеремонно съ ней обращается. Такъ, напримеръ, хотя рыцарь Жанъ де-Бриенъ (сынъ Эдуарда II) и дѣйствительно предпринялъ, съ королемъ венгерскимъ Андреемъ II участіе въ крестовомъ походѣ (въ 1217 году), но походъ этотъ былъ неудачный. Затѣмъ, какъ извѣстно Жанъ де-Бриенъ былъ женатъ не на Раймондѣ де-Дорисъ, но на дочери Конрада де-Маяфератъ, Маріи, бывшей въ то же время приемною дочерью іерусалимскаго короля Амолриха, отъ котораго онъ и получилъ іерусалимскую корону. Почему авторъ либретто приписываетъ походъ Андрея II и Жана де-Бриенъ блистательную побѣду, почему женить Жанъ де-Бриенъ на Раймондѣ де-Дорисъ и почему Андрей II покровительствуетъ Жану де-Бриенъ, который, будучи іерусалимскимъ королемъ, былъ самъ могущественнѣе и сильнѣе Андрея II, — необъяснимо. Кстати сказать, не могло быть и „сарацинскихъ рыцарей“, такъ какъ сарацены—племя арабское, исповѣдовавшее магометанскую религію, а всѣ рыцарскіе ордена и лиги были исключительно христіанскіе, и даже въ самый обрядъ посвященія въ рыцарство входило крестное знаменіе. Н. Ф.

Минувшій 1897 годъ для петербургскихъ казенныхъ драматическихъ театровъ—Александринскаго и Михайловскаго—былъ блестящимъ во всѣхъ отношеніяхъ годомъ. Серьезный взглядъ на назначеніе театра художественно-литературный цѣли, преслѣдуемая имъ и отражающаяся главнымъ образомъ на репертуарѣ, успѣлъ вполне скаваться за минувшій годъ.

Благодаря вкусу, опытности и преданности театральному дѣлу новаго режиссера Е. П. Карпова, петербургская публика пересмотрѣла на сценѣ Александринскаго театра 39 лучшихъ новинокъ русской драматической литературы. Наибольше интересныя новыя пьесы иностранныхъ авторовъ, попрежнему, ставились въ Михайловскомъ театрѣ. Сборы въ минувшемъ году достигли солидной цифры: за 240 спектаклей получено 280,000 рублей.

Наибольшее число разъ шли: «Цѣна жизни» (15 разъ), «Мірская вдова» (13 разъ), «Защитникъ» и «Безъ завѣта» (по 9 разъ), «Джентльменъ» (7 р.), «Отверженный» (5 р.), «Ревизоръ» (13 р.), «Лѣсъ» (11 р.) и «Бой бабочекъ» (10 р.).

Театръ Литературно-артистическаго кружка перешелъ въ 1897 году изъ Панаевского въ Малый театръ; въ составѣ труппы произошли значительныя перемѣны: на мѣсто бывшихъ гг. Далматова, Михайлова, Бастунова, Ге, Судьбинина,

Пасхаловой, Холмской и Немировой-Ральфъ, приглашены г-жи Шувалова, Некрасова-Колчинская, гг. Тинскій, Сарматовъ, Бравичъ и Яковлевъ. Репертуаръ болѣе, чѣмъ пестрый. Въ матеріальномъ отношеніи, успѣхъ приличный.

Для театра Немецки истекшій годъ въ смыслѣ сборовъ оказался хорошимъ: репертуаръ состоялъ изъ фарсовъ.

Василеостровскій театръ пользовался солиднымъ успѣхомъ. Репертуаръ носилъ серьезный характеръ, труппа состояла изъ недурныхъ артистовъ, и публика посѣщала театръ охотно.

Р-а.

Сборы Императорскихъ драматическихъ театровъ въ послѣдніе годы постоянно прогрессируютъ. Приводимъ общіе итоги за 5 лѣтъ:

1893 г.	259,314 р. — к.
1894 »	161,397 » 56 »
1895 »	265,247 » 93 »
1896 »	274,265 » 64 »
1897 »	280,040 » — »

1894 г. былъ исключительный, вслѣдствіе прекращенія спектаклей на время національнаго траура съ 20-го октября 1894 г. по 1-е января 1895 г.

28-го декабря въ залѣ Русскаго Общества взаимнаго вспоможенія была разыграна небезызвѣстная комедія г. Павлова «На порогѣ вѣзкихъ событій».

Въ общемъ, артисты удачно справились со своими ролями. Мѣстами весьма недурны были г-жа Эльмина и г-нъ Холминъ. Послѣдній не лишень способностей, и пожалуй, могъ бы разсчитывать и на болѣе широкую сцену.

Въ маломъ залѣ Консерваторіи, 6-го января состоится седьмое квартетное собраніе при участіи г-жи Клеменцъ (фортепiano), квартетъ: Гг. Ауэръ (первая скрипка), Крюгеръ (вторая скрипка), Корсунъ (альтъ) и Вержбиловичъ (виолончель). Программа: 1-е) Квартетъ для двухъ скрипокъ, альтъ и виолончели (B—dur), оп. 130—Бетховена. 2-е) Квартетъ для фортепiano, скрипки, альтъ и виолончели (Es—dur).—Шумана, партію фортепiano исп. г-жа Клеменцъ. 3-е) Квартетъ для двухъ скрипокъ, альтъ и виолончели (A—dur), № 5—Моцарта. Начало въ 8 час. веч. Рояль фабрики Я. Беккера.

Интересное концертное турне предпринимаютъ въ предстоящемъ Великомъ посту артистка нашей оперной сцены, г-жа Куза, талантливый композиторъ Ю. И. Блейхманъ и баритонъ И. И. Никитинъ. Программа концертовъ будетъ составлена исключительно изъ произведеній г. Блейхмана и въ нее войдутъ такія крупныя произведенія, какъ А—дурная симфонія, балетная сюита, отрывки изъ оперы «Принцесса Греза», не говоря о столь популярныхъ романсахъ этого композитора. Всѣ эти произведенія извѣстны уже нашей публикѣ по тѣмъ концертамъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назалъ давались въ залѣ Дворянскаго Собранія и возбуждали въ нашихъ музыкальныхъ сферахъ живой интересъ. Концерты, по необходимости, придется ограничить Харьковомъ, Кіевомъ и Одессою, такъ какъ только въ этихъ горо-

Ю. И. Блейхманъ.

дахъ имѣются оркестры, способные выполнить серьезную симфоническую программу. Опера «Принцесса Греза» написана

Г-жа Куза.

авторомъ на сюжетъ извѣстной драмы Ростана, но еще не вполне закончена. Было бы интересно ознакомиться съ отрывками изъ этой оперы также петербургскую публику.

Въ Московскомъ Маломъ театрѣ надняхъ шла новая пьеса г. Амфитеатрова «изъ мифологическихъ бытовъ», какъ говорятъ купцы—«Полоцкое разореніе». Пьеса имѣла довольно шумный успѣхъ. Рецензентъ «Русскихъ Вѣдомостей» находитъ, что пьеса лишена внутренняго содержанія и напоминаетъ оперное либретто. Въ «Полоцкомъ разореніи» являются Роѣнда, Владиміръ и пр. Характеристики г. Амфитеатрса едва ли можно принять за историческіе портреты.

По словамъ газетъ, переходные экзамены въ петербургской консерваторіи рѣшено унытожить для хорошо успѣвающихъ учениковъ.

«Жизнь и Искусство» опровергаетъ слухи о назначеніи председателя Кіевскаго Музыкальнаго Учрежденія Виноградскаго директоромъ московскаго филармоническаго училища въсто г. Шостаковскаго.

Хотя праздничный балетный репертуаръ составленъ изъ старыхъ балетовъ и спектакли даются исключительно по утрамъ, тѣмъ не менѣе, Марининскій театръ ежедневно бываетъ переполненъ, при чемъ преобладающимъ элементомъ въ публикѣ являются дѣти. Въ продолженіи всей праздничной недѣли вечеромъ былъ данъ только одинъ балетный спектакль, именно въ воскресенье, 28 декабря. Поставленный въ этотъ день японскій балетъ «Дочь Микадо», по обыкновенію прошелъ съ оживленіемъ, хотя не было замѣтно того ансамбля, которымъ онъ отличался ранѣе. Рѣче всего нарушила ансамбль г-жа Трефилова, которая, по болѣзни талантливой солистки г-жи Гельцеръ, замѣстила послѣднюю, и поэтому лучшая въ третьемъ актѣ классическая вариация «осень», на этотъ разъ не оставила никакого впечатлѣнія. Поэтому эту вариацию, требующую отъ исполнительницы и технической выработки, и силы, и вообще, способностей первоклассной классической танцовщицы, передали корифейкѣ г-жѣ Трефиловой, вопросъ по-ложительно неразрѣшимый. Г-жѣ Трефиловой очень далеко до блестящаго таланта г-жи Гельцеръ, и браться за исполненіе подобныхъ вариаций, переполненныхъ трудными техническими узорами, со стороны начинающей артистки—смѣло, и рискованно. Элегическій, тонъ этого прекраснаго этюда, чистота, отчетливость, легкость и непринужден-

ность въ отдѣлкѣ техническихъ рисунковъ, которая служить отличительнымъ признакомъ танцевъ г-жи Гельцеръ, въ исполненіи г-жи Трефиловой ступевались и въ вариацияхъ была неузнаваема.

Изъ другихъ исполнительницъ классическихъ танцевъ, конечно, наибольшій и вполне заслуженный успѣхъ, имѣла наша талантливая балерина г-жа М. Кшесинская 2-я, а затѣмъ солистки—г-жи Преображенская, Куличевская, Обухова и танцовщицы г-жи Офицерова, Чумакова, Ваганова, Борхардтъ, Мосолова, Леонова 1-я и др. характерныхъ рас: лучше другихъ была исполнить «Явскій танецъ» (г-жа Скорсюкъ), а въ мимическихъ роляхъ первого акта типичны были гг. Чекетти, Татаринцовъ и г-жа Скорсюкъ. Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ актами г-жѣ М. Кшесинской 2-й былъ поданъ роскошный букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

Н. Ф.

Съ половины января мѣсяца начнутся спектакли въ театрѣ Эрмитажа. Въ текущемъ сезонѣ, какъ предполагать, состоится всего четыре спектакля, при чемъ первый изъ нихъ будетъ данъ 16 января. Программы всѣхъ четырехъ спектаклей составлены изъ балетовъ. Для первого будетъ поставлена сцена изъ балета «Корсаръ»—«Оживленный садъ», для второго—одноактный балетъ «Сонъ въ лѣтнюю ночь», для третьяго—два акта (первый и второй) изъ балета «Приказъ Короли» (съ добавленіемъ характерныхъ танцевъ), а для четвертаго—танцы изъ послѣдняго акта «Нахиты».

26 декабря на Митрофаніевскомъ кладбище происходило погребеніе тѣла молодой симпатичной артистки Императорскихъ театровъ Надежды Федоровны Клякшъ, урожденной Юрковской. Отдать послѣдній долгъ, безвременно скончавшейся лвилося не мало артистовъ Императорскихъ и частныхъ театровъ.

Надежда Федоровна—дочь извѣстнаго театральнаго дѣятеля бывшаго режиссера Александринской сцены Ф. А. Федорова-Юрковскаго—родилась въ 1877 г. Окончивъ театральное училище, она въ 1893 г. была принята въ труппу Александринскаго театра, и быстро успѣла развернуть свое дарованіе. Искренность, простота и мягкость исполненія, производили на публику неизмѣнно прекрасное впечатлѣніе. Едва-ли любители театра забыли удивительную игру Надежды Федоровны въ драмѣ «Цѣна жизни». Незамѣвную и скорбную потерю утрату почтенный отецъ покойный Ф. А. Федоровъ, и талантливый артистъ Императорскаго балета г. Клякшъ, мужъ ея.

Надежда Федоровна скончалась отъ зараженія крови. Въ № 52 за истекшій годъ мы сообщали подробности этого печальнаго случая. Аналогичный случай, какъ мы слышали, произошелъ съ однимъ изъ танцовщицъ балета, у котораго гримъ также попалъ въ открытую ранку, и только быстрая медицинская помощь предотвратила печальный исходъ.

Н. Ф. Юрковская.
(† 23 дек. 1897 г.)

Намъ пишутъ изъ Москвы. При русскомъ музыкальномъ обиходѣ въ Москвѣ существуетъ такъ-называемый фондъ для вспоможенія вдовамъ и сиротамъ артистовъ-музыкантовъ, средства котораго, кромѣ членскихъ взносовъ и пожертвованій, пополняются еще сборами съ концертовъ. Концертъ въ выпитишемъ сезонѣ, къ сожалѣнью, не сопровождался денежнымъ успѣхомъ. Зато въ программѣ красовалась дѣятая симфонія Бетховена. Исполненіе этого капитальнаго творенія нельзя признать, впрочемъ, образцовымъ. Членскій оркестръ составленъ былъ неравномерно. Хоръ хорошъ, хотя ему недоставало мягкости. Солисты—г-жи Будкевичъ и Збруева, гг. Бардавъ и Грезинскій—были совершенно слабы. Словомъ, старанія г. Сафонова не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Изъ оркестровыхъ вещей въ тотъ же вечеръ исполнена была увертюра „Оберонъ“ Вебера и музыкальный эпизодъ Свендсена „Парижскій карнавалъ“, доставившіе г. Сафонову успѣхъ, который раздѣлилъ съ нимъ пианистъ Савельевъ. Исполнившій первый концертъ Листа, и пианиста Виссентъ, выступивши съ пьесами Шуберта, Моцарта и Шумана.

Перехожу къ постановкѣ оперы Гизика „Орфей“ на сценѣ частной оперы. Всѣ декорации написаны К. Корвиннымъ, по рисункамъ Д. Полянова, и написаны прелестно. Костюмы на дѣйствующихъ—съ нелюбовью. Но исполненіе. Многочисленный хоръ ораетъ, въ оркестрѣ г. Эсепито царилъ неурядица, а солисты были совсѣмъ плохи. Орфей пѣла г-жа Черненко, грубо, немзыкально, фальшиво, похирула всякое эстетическое чувство. На вашъ взглядъ, такихъ пѣвицъ какъ г-жа Черненко, просто стыдно выпускать. Лучше была г-жа Клопотова, исполнительница Амура. Только одна г-жа Негриная-Шмидтъ была удовлетворительна. Въ общемъ-же спектакль произвелъ удручающее впечатлѣніе, потому что въ немъ показывались декорации, бутафорія, костюмы, а музыка была забыта.

Д'Альберъ далъ концертъ 1-го декабря. Презюдія и fuga самого пианиста своей запутанностью мало понравились. Зато ему превосходно удалось роуд (G—dur) Бетховена, точно отлитое изъ одного куска, а As—dur'ная соната Вебера прямо-таки увлекла толпу. Меня всегда удивляетъ, почему пианисты забываютъ веберовскія сонаты, почему они не играютъ Чайковского. G—dur'ная соната коего положительно шедевръ въ этомъ жанрѣ? Гордый темпераментъ Д'Альбера оказался, однако, нестатенъ во второмъ этюдѣ Шопена, гдѣ, между прочимъ, всѣ пассажи правой руки вышли застывшими, благодаря скорости взятаго темпа. Второй октюринъ Шопена, наоборотъ, показался мнѣ слишкомъ растянутымъ, до того, что мелодическіе контуры порою терли опрѣвленность. Маленькія пьесы Чайковского, Рубинштейна, Листа, прошли у великаго пианиста безподобно. Вечеръ Д'Альбера доставилъ слушателямъ бездну наслажденія.

Едва-ли не больше его было и на такъ-называемомъ „Бетховенскомъ“, въ которомъ Д'Альберъ и Ауэръ исполнили фортепьяно-скрипичную сонату Бетховена. Публика набралась столько, что билетовъ не хватило, афишъ тоже. Жаль, что артисты не дали второго такого вечера. Интересно третьяго симфоническаго собранія заключалась въ первой симфоніи (G—mol) Вас. С. Калинникова, въ прошломъ сезонѣ надѣлавшей шуму въ Кіевѣ. Симфонія, дѣйствительно пезурядица. Какъ главная тема, такъ и побочная первая часть не только искренни и мелодичны, но и замѣчательно благодарны для разработки. Въ первой репризѣ много ритма, главнымъ образомъ синкопъ, придающихъ движению особенную жизненную прелесть. Во всей части г. Калинниковъ блещетъ смѣлой, бойкой техникой. Инструментальный уборъ мнѣ и находчивъ, и кромѣ того отличается русскими стилями. Въ Andante второй части, — начинающейся отъ 3-й большой терціей внизъ скрипками и арфой, затѣмъ постепенно падающими квинтами тема русская противоставляется восточной. Это прелесть по построению, особенно когда темы заходятъ одна за другую при forte всего оркестра. Въ скерцо, помпю энергичнаго размаха, достойно вниманія тріо: теплота и задумчивость, грація и шаловливость. Финалъ—часть полна торжества, ликования. Отъ симфоніи г. Калинникова вѣетъ наивностью, простотой, повсюду на первомъ планѣ вдохновеніе и отсутствие „работы“, въ общемъ, молодое, жизнерадостное. Уже послѣ первой части требовали повторенія. Скажу прямо: симфонія г. Калинникова дѣйствительно рѣдкое произведеніе послѣдняго времени. Успѣхъ ея въ публикѣ—колоссальный, и это не смотря даже на то, что въ исполненіи г. Цумпе, иностранца, мнѣ не вполнѣ удовлетворило. Солистка Эмилія Герцогъ оказалась прекрасной пѣвицею.

8 декабря К. Игумновъ, зѣтний пианистъ, далъ концертъ въ память П. Пабста. Концертъ начался тріо соч. Пабста, въ которомъ приняли участіе, кромѣ г. Игумнова, скрипачъ Гржимали и виолончелистъ Брандуковъ. Какъ это тріо, такъ и гавоть и мазурка того-же автора ничѣмъ не

выдѣляются изъ массы шаблонныхъ пьесъ. Немного лучше колыбельная пѣсня и парфразъ изъ „Ойгинна“. Оказалась хорошо передоженной г. Игумновымъ G—mol'ная оркестральная fuga Баха. Затѣмъ пианистъ превосходно передалъ E—mol'ную фантазію и Fis—dur'ную баркаролу Шопена. Въ игрѣ г. Игумнова много задумчивости, мягкости, музыкальной и толковой фразировки, воспитанности вкуса. Въ первый разъ были сыграны: вариации на тему Гизики соч. Лидова,—красиво разработанную, но условно и предвзято, — явилъ E—dur'ный Скрибина, его-же четыре прелюдіи и Allegro appassionato. Во всѣхъ этихъ вещахъ г. Скрибина не мало чисто фортепьяннаго блеска и не принужденности. Къ сожалѣнію г. Скрибинъ слишкомъ отдался вліянію Шопена, и оттого утратилъ всякую самостоятельность.

И еще пианистъ, г. Габриловичъ, увлекшій толпу пзаставившій говорить о себѣ всѣхъ. Первый концертъ Чайковского онъ играетъ съ рѣдкимъ совершенствомъ. Какой сильный ударъ, какалъ сочность тона, бездна вкуса! Мнѣ кажется только, пианистъ злоупотребляетъ педалью.

И еще пианистъ г. Д. Шоръ, когда устраивавшій историческіе камерные вечера и выступившій во второмъ квартетномъ собраніи. У него много женственности и нѣтъ въ исполненіи Шубертовское тріо (Es—dur), гдѣ онъ играетъ фортепьянную партію, — скрипки г. Гржимали, виолончели г. Гленъ — произвели самое отрадное впечатлѣніе.

Въ 4 собраніи филармоническаго общества мейнингерскій дирижеръ Ф. Штейнбахъ исполнилъ первую симфонію Брамса. Штейнбахъ оказался артистомъ крупной величины. Въ исполненіи были еще антракти и базетная музыка Шуберта къ драмѣ „Розамунда“, въ заключеніе-же увертюра къ оп. Вагнера „Таугейзеръ“. Пѣлъ баритонъ, г. Баттистини красиво, широко, но совсѣмъ безхарактерно. У него выходило все одинаково—и романсы „Вечерний звѣзда“ изъ „Таугейзера“, и серенада изъ „Донъ-Жуана“. Но успѣхъ пѣвца превзошелъ ожиданія. Онъ пѣлъ много сверхъ программы, и между прочимъ прологъ изъ „Панцевъ“. Г. Баттистини, очевидно, забылъ, что принимаетъ участіе не въ благотворительномъ, а въ симфоническомъ концертѣ.

Нв. Липавецъ.

* * *

Н. А. Римскій-Корсаковъ.

26 декабря, въ Москвѣ, въ театрѣ Солодовникова, поставлена была опера Н. А. Римскаго-Корсакова „Садко“. Тѣмъ-же композиторомъ, какъ извѣстно, написана на этотъ сюжетъ симфоническая поэма, изъ которой многія темы вошли въ оперу. Г. Римскій Корсаковъ не мелодистъ. Музыка его нехватаетъ внутренней теплоты, и она мало пригодна для выраженія личныхъ чувствъ, и драматическихъ движеній. Область его—оркестровыя краски, которыя, по самому существу своему, болѣе всего примѣнны къ фантастическому элементу. Вотъ почему, если не считать „Исконитинки“, всѣ его оперы пропитаны фантастическимъ характеромъ. Опера „Садко“ отличается обычными достоинствами и недостатками музы г. Римскаго-Корсакова. Въ ней все основано на игрѣ оркестровыми звуками и эффектахъ инструментальныхъ комбинацій. Звучалъ живописъ замѣлеть богатство внутренней жизни.

Опера „Садко“ пѣла, однако, крупный успѣхъ, а

третье ея представление, въ присутствіи композитора, ознаменовалось выразительными привѣтствіями публики.

* * *

27 декабря скончался въ Москвѣ весьма популярный и извѣстный въ Россіи композиторъ, піанистъ и педагогъ Алек. Ив. Дюбюкъ. А. И. былъ однимъ изъ старѣйшихъ музыкантовъ Москвы, и состоялъ съ самаго основанія московской консерваторіи до 1870 года, въ качествѣ профессора фортепیانной игры. Любитель русской пѣсни и составитель обширнаго сборника таковыхъ, А. И. и самъ писалъ романсы въ русскомъ духѣ, изъ которыхъ «Ахъ морозъ-морозецъ» распевадается и до сихъ поръ по всей Россіи. Кромѣ романсовъ А. И. писалъ салонныя пьесы и танцы для фортепیانно. Пользуясь извѣстностью хорошаго педагога, онъ оставилъ учебникъ «Техника фортепیانной игры». Несмотря на свои преклонные годы (род. въ 1812 году), А. И. до послѣдняго времени занимался преподаваніемъ музыки.

* * *

Петербургское попечительство о народной трезвости сразу заявило себя широкимъ начинаніемъ. Въ манежѣ юнкерскаго училища имъ устраивается временный народный театръ, въ которомъ 1, 2, 3, 4 и 6 января будутъ даваться утренніе и вечерніе спектакли въ 1 часъ дня и въ 7½ час. вечера. Манежъ юнкерскаго училища раздѣленъ пополамъ—на мѣста для публики и сцену. Въ половинѣ, предназначенной для публики, устроено просторное фойе и большой буфетъ, гдѣ можно будетъ получать и холодную и горячую пишу по самымъ доступнымъ цѣнамъ. Сцена приспособлена для постановки даже самыхъ сложныхъ обстановочныхъ пьесъ. Весь манежъ освѣщается электричествомъ. Въ театрѣ сдѣланы новыя запасныя выходы. Постановка спектаклей поручена дирекціи Василеостровскаго театра. Труппа для новаго театра уже составлена и законтрагована до поста. Она состоитъ изъ г-жъ Аратовой, Новиковой-Ивановой, Райдиной, Ланской, Сахаровой, Эльминой, Красовской; гг. Вольфа, Тюморева, Уварова, Мамонтова, Николаева, Де-Кокъ, Холмина, Александрова. Репертуаръ состоитъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Бѣдность не порокъ», «Материнское благословеніе», «Рабочая слободка», «Двѣ сиротки» и «Дармоѣдка». Одновременно съ театромъ петербургское попечительство о народной трезвости устраиваетъ еще гулянья въ Михайловскомъ манежѣ, которыя начнутся также съ 1-го января.

Г. Таманьо.

Подъ новый годъ.

рѣхали на двухъ тройкахъ. Было тѣсно и весело. Впрочемъ, не ей. Въ той тройкѣ сидѣла компанія Ольги Павловны, а въ этой она, Алеша, Петръ Николаевичъ, Надежда Федоровна и Оскаръ Абрамовичъ Полугрошъ. Всѣ смѣялись и шутили. Петръ Николаевичъ былъ въ самомъ чудесномъ настроеніи духа, подбиралъ отъ удовольствія губы, и даже попробовалъ пѣть дуэты изъ „Гаспарона“, что выходило очень похоже на меланхолическое мычаніе коровы. Полугрошъ поминутно ржалъ, скаля зубы и вправляя въ ротъ кончики своихъ рыжеватыхъ усовъ. Онъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ жалъ ногу Надеждѣ Федоровнѣ и вообще продѣлывалъ Богъ знаетъ что. Только Алеша сидѣлъ молчаливый и изрѣдка грустно улыбался. Она видѣла его профиль, тонкій носъ, красивый високъ, на которомъ билась жилка—кожа у него была такая же тонкая, какъ у женщины,—и ей страстно захотѣлось чтобы ничего этого не было, ни этихъ шутокъ, ни смѣха, ни манипуляцій Полугроша, ни пошловатаго лица Петра Николаевича.

Кабинетъ въ Крестовскомъ былъ заказанъ еще наканунѣ. Отвели превосходный, очень просторный, угловой, съ роялемъ. На лѣстницѣ и площадкѣ встрѣчались знакомые. Были тутъ всѣ до единого: нотариусъ Гоненбергъ, толстый, съ красною шеею, отвислою губою и безпокойно бѣгающими глазами, докторъ Непутевый, симпатичный брюнетъ, съ вихромъ, выставившимся впередъ, словно пѣтушій гребень; адвокатъ Любезновъ, вылощенный, какъ лаковый сапогъ, и чрезвычайно гордый своимъ успѣхомъ у Разлюляевой, получающей отъ Петрова двѣ тысячи въ мѣсяцъ. Шутка! Вотъ ужъ можно сказать, независимый и завоеванный успѣхъ! Потомъ встрѣтился фабрикантъ Шестирыловъ, похожій на ординарнаго профессора философіи, съ большою лысною и усталымъ взглядомъ. Разумѣется, здѣсь были и Марья Семеновна, и Анна Ивановна, и Евгенія Владиміровна, и ingénue Дольшевская, и Зозо, и Пюрочка. Со всѣми приходилось здороваться и перекидываться коротенькими фразами.

— Вы здѣсь? И вы? Въ томъ кабинетѣ? Когда репетиція? Въ десять? Да? Потомъ увидимся? да?

Съ Евгеніею Владиміровною и Зозо пришлось поцѣловаться тутъ-же на площадкѣ. Отъ Зозо уже пахло виномъ, и бѣлая вставка въ платкѣ была точно смята.

Въ кабинетѣ было тоже самое. Петръ Николаевичъ старался какъ можно больше веселиться и даже пустился танцовать. Ноги у него были легкія, но мѣшалъ животъ. Она это только что примѣтила. Раньше ей было все равно, а теперь стало вдругъ непріятно. Вообще ей было какъ-то не по себѣ, а всего тяжелѣе, что Алеша смотритъ такими грустными глазами.

— Пойдемъ, Алексѣй Дмитріевичъ, сказала она ему и взяла его подъ руку.

Они вышли въ садъ. Внизу кипѣла жизнь. Воздухъ былъ какой-то особенный, словно въ немъ было тяжелое облако. Отъ электрическихъ фонарей шли тѣни, и зелень сверкала неестественно ярко. Они вошли на маленькій мостикъ, словно перекинутый надъ горной расщелиною. Оттуда было все

Литературный вечеръ въ память Н. А. Некрасова.

(По наброскамъ нашего художника)

П. И. Вейнбергъ.

В. Г. Короленко.

А. Н. Герардъ.

видно, какъ на ладони, только люди казались маленькими, и вмѣсто разговоръ доносилось непрерывное, назойливое жужжанье. Они ни о чемъ не говорили. Она глядѣла въ сторону, но она знала, что Алеша не сводитъ съ нея грустныхъ глазъ. и чувствовала, что между ними устанавливается какая-то непонятная близость, и отъ этой близости ей и больно, и жутко, и сладко. А больше всего ей жаль себя, Алешу, молодость, все, все!..

И вспомнился ей, среди этого жужжащаго шума праздной толпы, и застоявшагося запаха отсырѣвшей и разрыхлившей земли, другой садъ, тоже зеленый, тоже яркій, тоже съ разрыхлившей землей и жужжайшемъ. Только и зелень, и сѣть, и земля, и жужжанье—все тамъ было натуральное. Зеленѣли вишня да липа, сверкало солнце, пахло разрытымъ подъ грядки черноземомъ, а жужжали шмели, пчелы, мухи. Дерево тамъ было одно, кудрявое, и на этомъ деревѣ она ножикомъ вырѣзала буквы К. П., и когда она дѣлала надрѣзъ, то показался сокъ, точно сочилась сердечная рана. Давно это! У ней тогда ничего не было, ни славы, ни денегъ, ни брилліантовъ, ни этого шелкового тяжелого платья. Въ кисейномъ платьицѣ, простоволосая, она выбѣгала ночью въ садъ къ тому дереву, и цѣлые часы просиживала тамъ съ вѣтъ на скамейкѣ, вздрагивая и прижимаясь къ нему при каждомъ шорохѣ. И тоже ей было и жутко, и сладко. Только жалко не было, какъ теперь, потому что некого было жалѣть...

И у нея явилось страстное желаніе опять пережить эти минуты, чтобы щелкалъ соловей, и она, опершись на плечо своего милаго, глядѣла на небо и считала звѣзды. Хорошо, когда считаешь звѣзды... Значить, легко на душѣ, и думать не о чемъ.

И не надо думать, не надо!

Когда откупорили шампанское, она съ жадностью на него накинута. Она пила почти непрерывно и заставляла пить другихъ.

— Сыграйте, Полугрошъ!

Полугрошъ сыгралъ, потому Надежда Федоровна сѣла романсъ Липина:

У ногъ твоихъ рабой умру,
У ногъ твоихъ блаженства жду!

Она любитъ этотъ романсъ, потому что въ немъ есть что-то пьяное, жалкое и вѣетъ съ тѣмъ вакхическое. Вотъ такая же и она: пьяная, жалкая, себѣ жалкая, понимаете, это главное,—и при этомъ вакханка, полная не перебродившихъ силъ. И не можетъ она любить, не можетъ! Жалѣть только она Алешу, а не любить. Все съѣлъ въ ней этотъ мѣръ кулисъ, кутежа, этотъ зимній садъ, пахнущій теплою землею, и все растворило въ ней шампанское. Ахъ, еслибы она могла растворять въ немъ также свои брилліанты, какъ Клеопатра, и выплеснуть куда-нибудь въ помойную яму! Можетъ быть, ей стало бы легче...

И вдругъ она заплакала. Надежда Федоровна остановилась, Алеша испуганно бросился къ ней, Петръ Николаевичъ позвонилъ лакею и велѣлъ принести воды.

— Это у тебя нервы, душенька, говорилъ Петръ Николаевичъ, наклонясь къ ней съ такимъ видомъ, точно ей моментально станетъ легче послѣ того, какъ будетъ заявлено, что причина—нервы...

— Скажите, что это за нервы? выѣшался Оскаръ Абрамовичъ, дѣлая жалостливое лицо и приподнимая кончикъ усовъ. — Раньше никогда не слыхалъ, а

вдругъ пошли нервы. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, Вѣра Михайловна! наклонился онъ къ ней. — Ай-ай, какъ не хорошо на новый годъ плакать! Новое счастье этого не любить, ай-ай, какъ не любить! Это ужъ повѣрите мнѣ...

Вѣра Михайловна лежала на диванѣ, уткнувъ голову въ подушку и вздрагивая всѣмъ тѣломъ. „Не хочу я вашего новаго счастья!“ — хотѣлось ей крикнуть. Она бы все отдала за кусочекъ стараго! Но чтобы въ немъ были старыя зеленныя липы, старая скамейка подъ липой, и непременно прежній старый соловей...

* *

Когда Константинъ Андреевичъ заѣхалъ за Любинькой, было 10 часовъ. Тройка ждала у воротъ. Константинъ Андреевичъ усадилъ сначала Любиньку, закуталъ ей ноги пледомъ, подложилъ сѣно, и только послѣ этого самъ сѣлъ и крикнулъ: „пошелъ!“ По сущей правдѣ, Любинька ни разу еще не каталась на тройкѣ. Но она не говорила этого изъ какого-то ложнаго стыда. Константинъ Андреевичъ уже давно за ней ухаживаетъ. Онъ былъ очень богатый, независимый и умный. Онъ даже ей нравился, какъ мужчина. У него красивая сѣдоватая голова и прекрасные глаза. Немножко животное, правда, выраженіе, но красивые, безусловно красивые...

Для нихъ кабинетъ былъ также заказанъ, какъ разъ рядомъ съ тѣмъ, гдѣ были Петръ Николаевичъ, Вѣра Михайловна и другіе, но только маленькій. Для двоихъ, впрочемъ, вполне достаточный и очень уютный. Любинька оглядывала все съ большимъ любопытствомъ. Она знала, что сегодня рѣшительный вечеръ. Это должно кончиться такъ или иначе. Она не знала еще какъ, и испытывала, когда думала объ этомъ, легкую дрожь.

Зимній садъ ее привелъ въ восхищеніе. Ей ужасно нравилась эта чересчуръ яркая при электрическомъ свѣтѣ зелень, „гроты“ она находила удивительными.

— Совсѣмъ сталактитовыя пещеры, сказала она Константину Андреевичу, улыбаясь и обнажая прекрасныя бѣлыя зубы.

Константинъ Андреевичъ не скрывалъ своего восхищенія. Она смотрѣла на все съ такимъ видомъ наивнаго недоумѣнія и любопытства, и на лбу ея образовалась такая глубокая, удивительно кокетливая складка, что всѣ невольно обратили на нее вниманіе, и Константинъ Андреевичъ испытывалъ пріятное чувство гордости, гуляя съ нею подъ руку.

— Это кто? спросила она, указывая на открытое окно кабинета, на которомъ, избоченившись, сидѣла Разлюяева.

— Это—Разлюяева...

— Какіе у нея брилліанты!

— Еще-бы! Двѣ тысячи въ мѣсяцъ получаетъ отъ Петрова...

У Любиньки складка на лбу стала еще глубже.

— Двѣ тысячи, повторила она, — а вѣдь что въ ней хорошаго? Истрепанная, расползшаяся...

— Потому и получаетъ. Жалованье плюсъ пенсія.

— Ахъ, и Любская здѣсь! Кто это съ ней? опять спросила Любинька, показывая на Вѣру Михайловну. Она у этого, т. е. съ этимъ...

— Нѣтъ, это такъ... молодой человѣкъ... L'ami de la maison...

— Ахъ, вотъ какъ!

Любинька пьянѣла отъ одного этого воздуха. Гдѣ-то пѣли цыгане. Какіе-то молодые люди въ безобразно выпяченныхъ пластронахъ хлопотали надъ сооруженіемъ эшафодажа стульевъ. Высокій толстый молодой человѣкъ держалъ въ рукахъ грушу и пред-

лагалъ маленькой брюнеткѣ достать ее. Брюнетка слегка подпрыгивала и заливалась веселымъ смѣхомъ. Стучали ножи, хлопали пробки, гремѣла музыка, и надъ всѣмъ этимъ сладковатый, приторный запахъ перепрѣлой земли.

— Пойдемъ, сказала Любинька. Я хочу пить, пить, пить!!!

Она залпомъ выпила два бокала. Съ непривычки ей сразу ударило въ голову. А за стѣною пѣли романсы Лишина. Она слушала и чувствовала, какъ эти всхлипыванія и звучація сладостною дрожью, нижнія ноты подхватываютъ ее и уносятъ. Пѣсня какъ будто вся трепетала и извивалась, стонала и задыхалась, билась въ конвульсіяхъ и жгла раскаленнымъ желѣзомъ...

И вдругъ, пѣсня оборвалась... Любинька даже топнула ногой. Она хочетъ, чтобы продолжалась пѣсня, чтобы баюкала ее пьяная волна... Надоѣла ей постылая, скучная, разбѣренная жизнь. Все надоѣло! Педантизмъ, тоска и дешевая мораль!.. Люди живутъ и другимъ даютъ жить—вотъ и все... Отчего не поютъ? Пусть поютъ! Этотъ романсъ сочинила madame Клико, когда была влюблена въ monsieur Редереръ... Честное слово!.. Она хочетъ жить, жить, жить!.. За новое счастье! Да? да? Что такое? Дайте еще шампанскаго!

И Любинька тоже заплакала. Она держала предъ собою бокалъ, и слезы капали туда, и она пила свои слезы съ чужимъ шампанскимъ... Константинъ Андреевичъ ближе наклонилъ свою сѣдѣющую голову. Новое, пьяное счастье было совсѣмъ уже близко...

Homo novus.

Исторія одной „натуры“.

ПОВѢСТЬ.

I.

ы вошли въ узкій, высокій дворъ, похожій на колодезь, одинъ изъ тѣхъ типичныхъ петербургскихъ дворовъ, которыхъ такъ много на лучшихъ улицахъ столицы, и въ сумракѣ зимняго дня едва разглядѣли номеръ квартиры, прибитый, въ числѣ другихъ номеровъ, надъ невзрачнымъ подъѣздомъ. Швей-

цара не было; лампы не были зажжены. Но когда дверь, ходившая на блокѣ, съ визгомъ захлопнулась за нами, мы въ нерѣшительности остановились: такъ было темно. Насилу разобрались мы въ этой темнотѣ. Вверхъ поднималась крутая, узенькая, каменная лѣстница съ желѣзными перилами.

Парижскіе типы Л. Бакста
(Представленіе на улицѣ).

Мы стали всходить по ступенькамъ, минули одну площадку, другую, третью, минули четвертую и перевели дыханіе. Тяжеленко. По всей вѣроятности, пройдено было уже, по крайней мѣрѣ, восемьдесятъ ступенекъ. Зажигая спички, мы подвигались впередъ. Впрочемъ, вверху не было такъ темно; откуда-то сверху струился сѣренькій денекъ. Конецъ нашего путешествія намъ былъ извѣстенъ: это было въ самомъ верху, да иначе и быть не могло. На лѣстницѣ мы не встрѣтили ни одной живой души, только кошки шмыгали подъ ногами. Денекъ становился свѣтлѣе, ступеньки уже, каменная стѣна была не только голая, покрытая какой-то мрачной краской, какъ въ первыхъ этажахъ, а совсѣмъ безъ штукатурки; кирпичи, облитые известкой, придавали этой части лѣстницы убогой и жалкій видъ. Пахло сыростью, вѣяло холодомъ. Невидянки—ревматизмы и другіе петербургскіе призраки, казалось, притаились въ расщелинахъ угрюмыхъ стѣнъ и ждали только жертву, чтобы кинуться на нее и

доставить лишнюю практику врачамъ, а затѣмъ гробовщикамъ.

— Воля ваша, никогда не пошелъ-бы я, если-бы зналъ, что такъ высоко, сказалъ мой товарищъ, и такъ какъ онъ былъ тѣлосложенія тучнаго, то рѣшительно запрямылся на одной изъ площадокъ и тяжело дыша, молча проклиналъ меня: я это ясно видѣлъ по его сердитымъ глазамъ.

— Ничего, отвѣчалъ я,—это имѣетъ ту хорошую сторону, что мы убиваемъ сразу двухъ зайцевъ: во-первыхъ, ожпрѣніе всегда лечится моціономъ, — а чего же лучше?..

— А во-вторыхъ, мы увидимъ чудеса, не правда-ли? Что-то плохо вѣрится въ чудеса на такой необыкновенной высотѣ.

— Хотѣлъ бы я знать, гдѣ же и водятся чудеса, если ихъ нѣтъ на высотѣ,—можетъ быть, не совсѣмъ удачно съострилъ я, стараясь вернуть моего спутника къ хорошему расположенію духа.

Наконецъ, онъ отдохнулъ и болѣе спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Нечего дѣлать, пойдѣте дальше.

Вѣрно — всему бываетъ конецъ. Тотъ брезжущій, подозрительный денекъ, который вину едва проливалъ свои лучи, не будучи въ состояніи одолѣть царящій тамъ сумракъ, оказался довольно неселымъ снономъ свѣта, бросаемымъ косымъ стеклычатымъ окномъ, въ мелкомъ переплетѣ. Окно, разумеется, было вѣдано въ крышу той странной бани, которая съ улицы представлялась вычурной и нелѣпой, ни на что не годной архитектурной затѣей домовладѣльца. На низенькой двери была прибита бронзовая дощечка съ надписью: „Пантелѣй Вилулычъ Сеславинъ“. Стѣны бани были не только оштукатурены, но и расписаны яркими узорами въ мавританскомъ вкусѣ, что производило странный контрастъ съ тѣмъ убожествомъ, которое вину погружало насъ въ такое уныніе. Голубые, красные, желтые, зеленые, бѣлые и золотые линии красиво переплетались между собой, какъ тѣ фигуры, которыя можно наблюдать въ хорошемъ калейдоскопѣ, или какъ хитро выведенныя арабскія и турецкія надписи. Окно тоже, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось необыкновеннымъ; надъ нимъ также потрудились рука художника; стекла были бѣлые и желтые, и не квадратныя, а полуовальныя, какъ чешуя на рыбѣ.

Я позвонилъ. Черезъ минуту послышались шаги, громыхнулъ болтъ, два раза щелкнулъ замокъ, съ красивымъ, серебрянымъ звономъ, и половника дверей отворилась и на порогѣ мы увидѣли молодую барышню въ фантастическомъ костюмѣ. Ее можно было-бы принять за римлянку, если-бы дѣло происходило въ Вѣчномъ городѣ или его окрестностяхъ. Спінный сарафанъ изъ толстой, шерстяной матеріи, передникъ въ параллельныхъ темно-багровыхъ узорахъ, съ бѣлыми полосами, шелковая брѣмовая косынка на груди и на густыхъ, необыкновенно густыхъ, почти войлочныхъ, черныхъ волосахъ бѣлѣлся головной уборъ, какой носятъ италіанки, защищаясь отъ солнца; можетъ быть, онъ состоялъ изъ искусно сложенного полотенца, или куска полотна, или другой матеріи. Изящный, слегка горбатый, длинноватый носъ, маленькій, румяный ротъ и большіе черные глаза на олинковомъ лицѣ и граціозная смуглая шея, при высокомъ ростѣ — вотъ ея наружность. Хороша! Надо отдать справедливость Сеславиному, онъ позаботился о стилѣ и въ этомъ отношеніи, и его горничная, если это горничная, или хозяйка, если это хозяйка, и его патурщица, если это натурщица, какъ нельзя болѣе подходила къ арабескамъ сарацино-италіанскаго характера, украшавшимъ площадку передъ его квартирой. Хотя я бывалъ раньше у Сеславина, но этой особы я прежде никогда не встрѣчалъ у него; онъ жилъ тогда и одиноко; это была новость для меня.

— Что, дома Пантелѣй Вилулычъ?

Она посмотрѣла на меня пытливыми, горячими глазами и такими же глазами посмотрѣла на моего товарища.

— Я требую вапе карточка и будето докладывати.

„А, италіанка, или далматка, или кроатка“, — рѣшилъ я, и то же самое, разумеется, подумалъ толстякъ. Теперь я, бросивъ на него взглядъ, увидѣлъ, что онъ совсѣмъ пересталъ меня проклипать и относится къ предстоящему визиту уже съ любопытствомъ, какое я возбуждалъ въ немъ утромъ своими разсказами о Сеславинѣ.

Мы подали наши карточки. Фантастическое со-

зданіе улыбнулось, показавъ мелкіе, яркіе зубы, и унорхнуло; а мы вошли въ переднюю, гдѣ, вмѣсто обоевъ, висѣла плешь, захватывая и низенькій сводчатый потолокъ, тоже съ окномъ въ центрѣ; полъ былъ устланъ линолеумными циновками, а въ углу стояла маленькая бездымная печка, которая нагрѣвала эту комнату довольно слабо, потому что изорѣта шелъ паръ — тутъ было, кажется, холодно, чѣмъ на лѣтнихъ. Мы не успѣли подробно разсмотрѣть переднюю, какъ, ковыляя на своей хромо-мной ногѣ, чуть не выбѣжалъ къ намъ, съ веселымъ возгласомъ и съ салфеткой за воротникомъ, самъ черномазый и косоглазый Сеславинъ.

II.

Онъ крѣпко схватилъ меня за руку и сталъ потрясать ее, а я поспѣшилъ представить ему Льва Петровича Вороного.

— Критикъ? спросилъ Сеславинъ и не давъ мнѣ отвѣтить, продолжалъ, угадавъ отрицаніе. — Ученый? чиновникъ? любитель? А, любитель! Истинно счастливъ! Безъ любителей мы умерли-бы голодной смертію. Сбрасывайте шубы, господа! Пойдемте завтракать; первое блюдо не все съѣдено, а второе не начато. Милости просимъ. Ахъ, какой пріятный сюрпризъ! Вѣрите-ли, вторую подѣлю не вижу лица человѣческаго!

Рискуя схватить васморкъ, мы разоблачили и поинки за Пантелѣемъ Вилулычемъ. Комната, въ которую мы вступили, была совершенно круглая. Она играла роль гостиной; такія гостиныя бывають обыкновенно у фотографовъ: неизбѣжный стеклинный потолокъ, красные обои съ золотыми багетами, зеркала въ рѣзныхъ золотыхъ рамахъ въ стилѣ рококо, темная, триковая пузатенькая мебель на низенькихъ ножкахъ, большой мраморный столъ на раззолоченныхъ каріатидахъ, фарфоровыя жардиньерки съ бронзовыми цѣпочками на ажурныхъ чугунныхъ подставкахъ, бархатныя драпировки, подхваченныя витымъ шнуркомъ съ пышными кистями, перламутровые альбомы на этажеркахъ и столикахъ и ковры. Разница только въ томъ, что вмѣсто ватры съ фотографіями купцовъ, танцовщицъ, актеровъ и духовныхъ особъ, висѣли въ пышныхъ рамахъ голубые, красные, желтые и зеленые пейзажи, красавицы съ голыми плечами, съ мизинчикомъ во рту и съ лукавыми глазами, и еще какія-то древнія произведенія фламанскихъ и французскихъ художниковъ, издали походившія на куски коричневой клеенки. Высокая лампа, несмотря на день, горѣла во весь огонь въ этомъ салонѣ, очевидно для теплоты.

— Сюда! сюда! торопливо кричалъ Сеславинъ и приподнимая драпировку, самъ остановился въ дверяхъ, чтобы пропустить насъ впередъ.

Это былъ зимній садъ, сажень двѣ въ длину и сажень въ поперечникѣ; но за то знатокъ, вѣроитно, залюбовался-бы на растенія, разросшіяся въ этой свѣтлой, какъ ограненный хрусталь, клѣткѣ. Труба, конечно, проходила подъ поломъ, потому что ногамъ было горячо идти по дорожкѣ, усыпанной крупнымъ гравіемъ и обложенной по обѣимъ сторонамъ мелкими раковинами. Въ „клѣткѣ“ порхали канарейки и еще какія-то птицы. Сеславинъ опять приподнял драпировку и сказалъ:

— Осторожно! шесть ступенекъ внизъ!

Самъ онъ словно скатился съ лѣсенки, — съ такой быстротой ринулся онъ впередъ и взявъ лампу, сталъ намъ свѣтить. Лѣска ввела насъ въ полуциркулярную комнату съ тремя дверями: двѣ были заперты, — я зналъ, что онѣ ведутъ — лѣвая въ

спальню Сеславина, правая въ его мастерскую, а третья была раскрыта настежь. Въ длинной, довольно просторной комнатѣ видѣлся продолговатый столъ, покрытый бѣлой скатертью, ярко блестѣлъ самоваръ въ концѣ стола, а надъ нимъ висѣла большая люстра, въ мелкихъ стеклахъ, старинной венеціанской работы; такія люстры теперь еще попадаются въ барскихъ домахъ и на рынкѣ у торговцевъ античными вещами. Сеславинъ приспособилъ ее къ керосину, вставивъ резервуаръ въ цѣвтръ люстры; это испортило ее съ артистической точки зрѣнія, но сдѣлало полезной. Она была зажжена и древнія стекла переливались тысячами отблесковъ и самыми вѣжными радужными колерами, отчего столовая приобрѣтала торжественный, гостеприимный и нѣсколько опереточный характеръ. Вдоль стѣнъ висѣли арматуры, составленныя изъ старинныхъ клинковъ, щитовъ, дротиковъ и алебардъ, такъ какъ Сеславинъ былъ великимъ охотникомъ до оружія. Несмотря на свою фигуру, самой судьбой предназначенную для мирныхъ цѣлей, онъ въ душѣ, можетъ быть, считалъ себя воиномъ, и кстати сказать, любимымъ его чтеніемъ были историческія сочиненія, посвященныя описаніямъ битвъ и походовъ Александра Македонскаго, Густава Адольфа, Валентейна, Суворова, Наполеона, Морича Саксонскаго и т. п. Библиотека этихъ славныхъ твореній хранилась тутъ же въ столовой, въ прекрасномъ голландскомъ шкафу, съ рѣзными дубовыми украшеніями и мѣдными барельефами, вставленными въ дверцы вмѣсто филенокъ и стеколъ.

Онъ самъ отодвинулъ кожаные стулья, поставилъ намъ приборы и хотя мы отказывались, совершенно добросовѣстно утверждая, что мы ужъ позавтракали, заставилъ насъ ѣсть и пить. Этотъ любезный деспотизмъ пришелся по сердцу Воронцову. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ гастрономамъ, которые сразу отличаютъ какимъ-то чутьемъ тонкое, оригинальное блюдо отъ обыкновеннаго; онъ совершенно повеселѣлъ, и—такъ непостоянна человеческая природа—я былъ увѣренъ, что ничего ужъ не питаю ко мнѣ, кромѣ благодарнаго чувства.

Разговоръ за столомъ сосредоточился на взаим-

номъ допросѣ: я долженъ былъ отвѣчать, куда я запропастился и почему не давалъ признака жизни въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Воронцовъ—что онъ за человѣкъ и какія у него художественныя симпатіи, любить-ли онъ пейзажъ или жанръ, историческую живопись или духовную, а также не собираетъ-ли онъ старины и если собираетъ, то какую именно. Самъ Сеславинъ на вопросы, обращенные къ нему, что онъ написалъ новаго за это время, отвѣчалъ уклончиво и даже съ желчнымъ

оттѣнкомъ, такъ что пришлось замолчать. Но тѣмъ набѣжала на его лобъ на мгновеніе и такъ же скоро исчезла; брови его распрямилась и съ сладострастной ужимкой онъ отперъ маленькій стѣнный шкафчикъ, висѣвшій на стѣнѣ возлѣ буфета и досталъ оттуда такія сигары, что Левъ Петровичъ только посмотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ. Сеславинъ никогда не угощалъ меня этими сигарами въ прежніе визиты къ нему: онѣ хранились у него для „и они мающихъ“ гостей; было ясно, что онъ къ новому знакомому питаетъ гастрономическую симпатію—рыбакъ рыбака видитъ издалека—и рѣшилъ удивить его. Даже десертъ былъ поданъ необыкновенный—сухія фіалки въ сахарѣ и еще что-то въ этомъ родѣ.

III.

— Ну-съ, Левъ

Петровичъ, началъ

послѣ завтрака Сеславинъ:—если вы пріѣхали въ Петербургъ изъ своего, какъ выражаются, медвѣжьяго угла для того, чтобы побродить по мастерскимъ, высмотрѣть что-нибудь порядочное и приобрести диковинный холстъ за высокую цѣну—такъ и быть, я покажу вамъ. Удивительная вещь! съума сойти! Я знаю, что вы купите картину и заложите портъ-сигаръ, фракъ, цѣпочку, выдадите двойные и тройные векселя, если не хватитъ капитала, а безъ этого шедевра къ себѣ не вернетесь. Нѣчто невиданное и неслыханное! Если-бы я увѣдѣлъ эту картину въ чужой мастерской, я бы умеръ на мѣстѣ отъ зависти и ревности; возвратившись на свою голубятню, я бы перекрестилъ ножомъ все, что у меня есть цѣвваго и чѣмъ я гордился, бросилъ-бы кисти въ огонь, слилъ-бы въ одинъ большой чанъ всѣ краски, масла, сикативы и лаки и утонулъ-бы, какъ какой-то испанецъ въ бочкѣ малаги. Но, и

10864

будучи утопленникомъ, и превратившись въ тѣнь, я бы съ тоскою леталъ въ тотъ благословенный уголокъ, гдѣ продолжала-бы сѣять бездѣнная картина, и плакалъ-бы, какъ дермонтовскій мертвецъ. А еслибы я приобрѣлъ ее, то не разстался бы съ нею никогда и никому не показывалъ-бы; она хранилась-бы на днѣ особаго сундука и подъ тремя замками; а, умирая, я завѣщалъ-бы положить ее ко мнѣ въ склепъ. Такъ-то-съ!

Я понялъ изъ всей этой трескотни очень хорошо, кто такой былъ авторомъ необыкновеннаго художественнаго произведенія; но Левъ Петровичъ не сразу догадался и наивно спрашивалъ:

— А гдѣ-же эта картина? Неужели въ мастерской ***? (тутъ онъ назвалъ громкую фамилию, а Сеславинъ побавровѣлъ и позеленѣлъ, какъ разсерженный хамелеонъ). Вы очень добры и хотя я не располагаю большими деньгами, если картина черезчуръ дорога... и хотя, разумѣется, благоумые не позволить мнѣ влѣзть въ долги... но, все-же, хотя-бы взглянуть! Однако, предварительно позвольте сдѣлать легкую ревизию вашей мастерской?—съ любезной улыбкой сказалъ онъ.

Брови Сеславина непріязненно нахмурились и онъ рѣзко произнесъ:

— Что моя мастерская! Я говорю вамъ о величайшемъ произведеніи, которое должно составить эпоху въ русской школѣ. Новые приемы, новыя краски, освѣщеніе, тема, все потрясаетъ, схватываетъ, какъ-будто щупальцами, зрителя за сердце и вытаскиваетъ его изъ груди сквозь ребра. Маломальски чувствительный зритель долженъ кричать, плакать, стонать, сходить съ ума, вертѣться волчкомъ, изнывать отъ блаженства.

— Боже, да что-жъ это за чудо такое? вскричалъ Левъ Петровичъ, благодушно пыхнувъ необыкновенной сигарой.

— Со временемъ, со временемъ. Чудо, да. Но еще два три удара—*coup de brosse*, какъ говорить французы.

Таланты, когда приходишь съ ними въ соприкосновение, угнетаютъ нашего брата профана своимъ авторитетомъ, своей нервною, своимъ ненасытнымъ самолюбіемъ. По крайней мѣрѣ, я, бывая у Сеславина, всегда терялся; если нравилась мнѣ какая-нибудь его картина, я боялся похвалить ее: похвала могла быть высказана не въ той формѣ, какая желательна; такъ какъ я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые скорѣе сдерживаютъ свои восторги, чѣмъ обнаруживаютъ, то мое одобрение могло быть принято даже за недостаточно развитое порицаніе. Онъ называлъ меня своимъ другомъ въ письмахъ ко мнѣ, но я понималъ, что моя личность для него все равно, что пылинка, рѣющая въ ореолъ его славы. Его вычурная, хотя и прекрасная обстановка, потребность жить подъ небесами и наблюдать оттуда котовъ, собирающихся плавать на крышахъ, роскошь его таинственной жизни, посвященной утонченнымъ наслажденіямъ, блескъ не всѣми признаваемого имени, даже внѣшность его, хромота и порокъ зрѣнія—отдаляли меня отъ него. Оттого и случалось, что я по два и по три мѣсяца не бывалъ у него. Кажется, Левъ Петровичъ тоже почувствовалъ нѣкоторое стѣсненіе, когда Сеславинъ нахмурился послѣ его вопроса о мастерской. Но такъ какъ, будучи свѣтскимъ человекомъ, товарищъ мой не настаивалъ больше на желаніи взглянуть на холсты художника, то Пантелей Вилулычъ опять нахмурился. Впрочемъ, онъ скоро овладѣлъ собой и видя, что ни у меня, ни у Воронежскаго нѣтъ въ рукахъ кадрильницы съ оміамомъ, а спустить какой-нибудь

этудь никогда не мѣшаетъ, смягчился и съ свойственными ему торопливыми переходами отъ одного настроенія къ другому, вскричалъ:

— Идетъ! Предупреждаю, что въ той половинѣ мастерской, которую вы увидите, нѣтъ ничего выдающагося; но во вторую половину не войдете. Никто не войдетъ! Это святыня, не гаремъ, но неприкосновеннѣе гарема. Пожалуйста!

Онъ постучалъ въ дверь направо согнутымъ пальцемъ, и та самая дѣвушка, въ италіанскомъ костюмѣ, впустила насъ въ мастерскую, привѣтливо и весело улыбувшись и еще разъ показавъ прекрасные зубы. Потомъ она сейчасъ же ушла.

І. Ясинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ парижскомъ театрѣ «L'Oeuvre», надняхъ былъ поставленъ «Ревизоръ» Гоголя, такъ и названный въ переводѣ «Le Revizor». Вотъ что пишетъ по поводу этой постановки критикъ газеты «Journal», извѣстный французскій писатель Катюль Мандесъ. Какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, онъ ничего или очень мало понялъ въ этой безсмертной комедіи. «Это очень смѣлое произведеніе, и рѣшимость автора обличать административные нравы заслуживаетъ похвалы. Но увы, много времени протекло уже съ тѣхъ поръ, и это произведеніе, до сихъ поръ подвергаемое въ Петербургѣ цензурному запрещенію (sic!), не болѣе, какъ водевиль, съ забавными *qui pro quo*». И далѣе: «я чувствую себя неспособнымъ смѣяться тому, что русскій, очень дурно воспитанный для того, чтобы быть союзникомъ Франціи,—плюетъ сначала себѣ въ руку, а потомъ разговариваетъ. Просперъ Мериме, переводчикъ «Ревизора», придавалъ этому произведенію большое значеніе, какъ утверждаютъ, но мнѣ кажется, что это едва-ли даже его переводъ. Въ языкѣ много «chatnoirisme'овъ» («Chat Noir», извѣстный кабачекъ), и Русь сотрудничала съ Монмартромъ. Впрочемъ, Мериме былъ не болѣе, какъ романтикъ въ восточномъ вкусѣ.

Но если Мериме былъ романтикъ въ восточномъ вкусѣ, то Катюль Мандесъ не болѣе, какъ «дегенератъ», во вкусѣ западномъ. Исполненіе, разумѣется, было ужасно. Впрочемъ, французскіе критики хвалятъ молодого актера Люксейля, игравшаго Хлестакова. Но о томъ, какой это былъ спектакль, можно судить потому, что даже этотъ единственный Люксейль, начиная съ третьяго акта, не зналъ своей роли.

Въ погонѣ за эффектными сюжетами иностранные драматурги стали въ послѣднее время останавливаться на царствованіи Петра В. Въ послѣдніе полгода Петръ В. и его эпоха дали 3 пьесы. Вопросъ другой, достоинство этихъ пьесъ? Иностранцы, которые до сихъ поръ имѣютъ дикое представленіе о настоящей Россіи, врядъ ли способны понять и оцѣнить наше прошлое и ея дѣятели. Въ результатѣ преподносится самая грубая мелодрама, а русскіе рисуются, нечесанными, длиннорылыми дикарями... Новая пьеса, поставленная на дняхъ въ Лондонѣ въ театрѣ «Lyceum» въ бенефисъ Ирвинга носить названіе «Петръ Великій», довольно грубо развиваетъ исторію

трагической судьбы Царевича Алексѣя, и принадлежит перу сына Ирвинга, Ларансу Ирвингу. Это мелодрама чистѣйшей воды съ казнями, воплями преступниковъ, пытками и т. п. Исполнитель роли Петра Ирвинга, походилъ скорѣе на пьянаго дикаря, чѣмъ на великаго Императора. Всѣ пять актовъ по сценѣ метался и хрипѣлъ дикарь, хлеставшій встрѣчнаго и попережнаго по щекамъ, дравшій ихъ за волосы, пругавшійся не хуже ломового извозчика, и безъ толку стучавшій по полу дубинкой, и другіе актеры: старались въ этомъ направленіи: плевковъ, щелчковъ и потасовокъ было немало на сценѣ. Публика осталась, изрочемъ, очень довольна и вызвала и автора, и исполнителей.

Провинціальная лѣтопись.

(Отъ вашихъ корреспондентовъ).

ХАРЬКОВЪ. Бенефисъ Э. О. Днѣпровой, ставившей «Спорный вопросъ» Александрова и «Которая изъ двухъ» Куликова, былъ повѣмъ торжествомъ артистки. Сборъ совершенно полный, шумъ оваций, множество цѣнныхъ и «нецѣнныхъ» подношевій доказали, что артистка завоевала себѣ прочныя симпатіи харьковской публики. Разыграна была пьеса, если не считать самой бенефициантки и г. Шувалова, слабо: многие не только не постарались сдѣлать что-нибудь изъ ролей, но даже и выучить ихъ.

Бенефисъ Самойлова прошелъ едва-ли не съ большей помпой, нежели г-жи Днѣпровой: ва три дня до бенефиса билеты были «всѣ проданы». Что касается оваций со стороны молодежи, то онѣ стали у насъ неизбѣжнымъ аксессуаромъ бенефиса. Артиста вызвали безъ конца, по окончаніи привѣтствовали тушемъ и пр. Поставленный въ бенефисъ «Рюи-Блазъ» по рисункамъ «Comedie française» (какъ гласила афиша) насъ не совсѣмъ удовлетворилъ; самъ бенефициантъ не обладаетъ необходимыми для этой роли внѣшними средствами. Монологъ 3-го акта пропалъ безслѣдно; удался артисту послѣдній актъ.

Непріятно поражаело зрителя небрежное и невнимательное отношеніе «большихъ» артистовъ къ «маленькимъ» ролямъ, которыя исполняются ими «въ одолженіе» бенефицианту. Такъ, г-жа Днѣрова и др. шаржиrowали и переигрывали...

Бенефисъ г. Петипа «Борцы» далъ сборъ неполный (1100 р.) — пьеса имѣла большой явный заслуженный успѣхъ. Это первая удачная новинка сезона. Разыграна пьеса безукоризненно: г. Петипа въ роли г. Галтина былъ очень типиченъ. Г-нъ Наумовскій сдѣлалъ Дилигентова живымъ и оригинальнымъ лицомъ... Артистъ имѣлъ большой успѣхъ; остальные исполнители дѣлали свое дѣло и пьеса, надо думать, сдѣлается ренертуарной.

— 16-го декабря состоялся бенефисъ г-жи Строевой-Сокольской, которая выбрала новую для харьковской публики и актеровъ драму Сарду «Графъ-де-Ризооръ». Пьеса имѣла большой успѣхъ, и будучи поставлена 19-го и 21-го, дала почти полные сборы.

Драматическая роль Долоресъ подходитъ вполне къ силамъ г-жи Строевой-Сокольской. Артистку принимали горячо и сердечно. Между подарками особенно выдѣлялся по своей оригинальности большой портретъ (натур. велич.) бенефициантки съ ея крошечнымъ 8-ми мѣсячнымъ ребенкомъ. Немного семейно, но трогательно. Г. Шуваловъ (графъ-де-Ризооръ) съ большимъ искусствомъ передалъ образъ отважнаго и убѣжденнаго патриота. Г. Самойловъ художественно и съ захватывающимъ увлеченіемъ сыгралъ Карло. Ля-Тремуйля блестяще игралъ г. Петипа. Недуренъ былъ и г. Павленковъ въ роли герцога Альбы. Режиссера Д. А. Александрова публика неоднократно вызывала.

Кстати, 30 декабря состоится бенефисъ этого дѣльнаго и понимающаго режиссера Г. Александровъ выбралъ пьесу Вл. Немировича-Данченко «Цѣна жизни».

3-го января состоится второй бенефисъ г. Смирнова «Другъ Фрицъ»; билеты шибко расходятся.

13-го января состоится второй бенефисъ г. Шувалова; пойдетъ «Король Лиръ».

30-го января состоится второй бенефисъ г. Самойлова. Артистъ выбралъ «Безъ вины виноватыя» — пьесу, въ которой г. Самойловъ дебютировалъ. Наконецъ, 3-го февраля состоится бенефисъ безусловно даровитой и талантливой артистки Н. С. Карпенко, которая выбрала для своего предстоящаго бенефиса пьесу г. Потапенко «Волшебная сказка» А. Бурю.

ВАРШАВА. Польскія газеты съ большою похвалою отзываются о новой оперѣ польскаго композитора Желенскаго «Гопляша», поставленной на-дняхъ въ первый разъ въ Большомъ театрѣ въ Варшавѣ. Небезызвѣстный музыкальный критикъ г. Полинскій пишетъ о новой оперѣ въ «Утреннемъ Курьерѣ» слѣдующее: «Музыка Гопляши» прежде всего оригинальна и обладаетъ большимъ богатствомъ формъ, употребляемыхъ одинаково какъ въ прежнихъ, такъ и въ современныхъ операхъ, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ формъ составляютъ исключительную производительность Желенскаго. Въ ней звучать съ одинаковою силой и ноты живого чувства, и мрачныя отголоски драматической грезы. То насъ охватываетъ чарующая сладость миризма, то потрясаетъ страстность музыкальнаго выраженія, сконцентрировавшаго въ себѣ всѣ пидивидуальныя чувства, страданія и горе героевъ сцены.

Въ этой музыкѣ нѣтъ ни неадекватной исторіософіи Массене, ни туманной алегоріи Вагнера, которыми переполняютъ свои произведенія современные композиторы: въ ней есть чувство, и для нея этого достаточно, въ немъ она выражается, имъ производитъ впечатлѣніе. Всѣ темы пластичны, пѣвучи и характерны, за исключеніемъ нѣсколькихъ речитативовъ, у которыхъ не хватаетъ пѣвучести мотивовъ, а у послѣднихъ колоритности.

Что касается технической отдѣлки, то она всюду вверхъ совершенства, гармонизація отличается богатствомъ мысли, инструменталія — яркостью колорита.

Какъ на неудачныя стороны оперы, укажемъ на излишнюю растянутость нѣкоторыхъ формъ, особенно въ ансамбляхъ, затягивающихъ — наиримѣр, въ послѣднемъ актѣ — холъ дѣйствія, и на пренебреженіе характеромъ той эпохи, въ которой происходитъ дѣйствіе оперы.

НИЖНИЙ НОВГОРОДЪ. Благотворительные спектакли въ разгарѣ: Серия ихъ открылась 17 декабря сборнымъ спектаклемъ любителей изъ мѣстной интеллигенціи при участіи В. П. Далматова. Сборъ предназначался въ пользу общежитія воспитанницъ гимназіи. Не смотря на очень повышенныя цѣны, всѣ мѣста были распроданы. Разыграны были одностактные пьесы: «Искушеніе» О. Чюминой, «Горяшія письма» Гибанча и водеиль-оперетта «Десять невестъ и ни одного жениха». Въ заключеніе были поставлены живая картина съ декламацией и пѣніемъ. В. П. Далматову, участвовавшему въ двухъ первыхъ пьесахъ, былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ. Очень понравилась публикѣ оперетта-водевиль. Взяовой сборъ съ этого спектакля достигъ небывалой цифры — 2000 рублей.

18 декабря публика опять наполнила театръ съ благотворительною цѣлью. Ставили въ 4-й разъ на здѣшней сценѣ «Изеиль» съ г-жей Журавлевой и г. Далматовымъ въ главныхъ роляхъ. Спектакль устроенъ обществомъ вспоможенія частному служебному труду въ пользу «кассъ вдовъ и сиротъ» и «училищнаго капитала».

19 декабря ставили «Женитьбу Бѣлугина» въ пользу фонда по постройкѣ зданій общедоступныхъ развлеченій.

21 декабря предстоить благотворительный музыкальный вечеръ въ залѣ реального училища. Программа исключительно изъ сочиненій Рубинштейна. Сборъ предназначается въ пользу недостаточныхъ учениковъ механико-техническаго училища.

Мѣстная труппа работаетъ безъ отдыха, наиболее трудная задача выпала на долю г-жи Журавлевой и г. Далматова, которые играютъ каждый вечеръ. Они-же, впрочемъ и дѣлаютъ сборы. Въ заключеніе не лишнее сообщить, что въ послѣднемъ засѣданіи городской думы рѣшено учредить театральныя комитеты изъ пяти лицъ подъ предѣлательствомъ городского головы.

ВЛАДИМИРЪ. Музыкальный отдѣлъ мѣстнаго «общества любителей драматическаго и музыкальнаго искусства», съ самаго дня основанія «общества», до нынѣшняго сезона пребывалъ какъ-бы въ летаргическомъ снѣ: два, много три концерта, даваемые музыкальнымъ отдѣломъ общества въ годъ, и то съ весьма ограниченной музыкальною и вокальною программой, больше напоминали отбываніе повинности. Въ настоящемъ же сезонѣ, съ избраніемъ въ директоры г. Ланге, музыкальный отдѣлъ общества какъ-бы переродился. Ознакомившись съ силами гг. членовъ-любителей, г. Ланге сталъ устраивать музыкальные вечера, допуская на эти вечера гостей по запискамъ членовъ. Первый такой вечеръ былъ данъ 8 декабря и привлекъ не мало гостей. Вечеръ сопровождался большимъ успѣхомъ и потому второй, данный 15 декабря, въ зданіи городского театра, привлекъ полную залу посетителей. На этомъ вечерѣ выдающимся успѣхомъ пользовались гг. члены-исполнители: г-жи М. И. Ходокевичъ и П. С. Корякина, гг. А. Г. Дубовенко, М. И. Папарукъ и А. Я. Бановичъ.

Привѣтствуемъ это нововведеніе и пожелаемъ музыкаль-

ному отдѣлу общества достигнуть тѣхъ-же успѣховъ, какъ и его драматическій отдѣлъ.

К. Томасъ.

ПЕНЗА. Администрация зимняго театра, убѣдившись, вѣроятно, что существуютъ довольно крупные недочеты въ труппѣ, замѣнила режиссера г. Бушмана вновь приглашеннымъ, старымъ любимцемъ пензенской публики г. Расатовымъ. Г. Расатовъ выступилъ 30 ноября въ «Ревизорѣ», въ роли городничаго и весьма радушно былъ принятъ публикой. Съ приглашеніемъ г. Расатова дѣло замѣтно улучшается: артисты стали учить роли и серьезнѣе относиться къ своей задачѣ. Даже такіе неисправимые грѣшники, какъ г-жа Маница-Орлова и г. Павленковъ, стали проще держаться на сценѣ.

Едва стали дѣла зимняго театра поправляться, какъ пришла къ намъ малорусская труппа г. Милославскаго, снявшая зимній циркъ Дурова. Малороссы явились весьма опасными конкуррентами. Этотъ жалкій родъ театральныхъ представлений находится вездѣ достаточное количество невзыскательной публики.

Репертуаръ зимняго театра за послѣднее время: «Два подрастающихъ 2 раза», «Гамлетъ», «Воевода», «Гроза», «Маскирадъ», «Чародѣйка», «Горе отъ ума», Царская невеста», «Маргарита Готье», «Доходное мѣсто», «Ромео и Джульетта», «Дочь морского царя» феерія, «Принцеса Греза», «Трильби» 2 раза, «Джентльмены», «Жидовка», «Коварство и любовь», «Ревизоръ», «Укрощеніе строптивой», «Князь Серебряный», «Нюбиа» 2 раза, «Катастрофа», «Бѣдность не порокъ», «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ», «Общество поощренія скуки», «Лѣсъ», «Златокудрая красавица», «Титанія» феерія, «Смерть Пазухина», «Влѣсть тьмы», «Столичный воздухъ», «Велизарій».

А. Гр.

ТЮМЕНЬ. Въ пользу учащихся въ начальныхъ училищахъ г. Дорошенко поставилъ спектакль изъ двухъ пьесъ — «Нюбиа» и «Первой мухи» которая прошла живо и гладко. Роль Нюбиа исполнила г-жа Савостьянова и надо отдать справедливость — довольно хорошо. Не мало аплодисментовъ выпало на долю г. Дорошенко, изображавшаго Пуныркова. Въ «Первой мухѣ», роль князя Чебарскаго исполнилъ г. Шумилинъ. Г. Шумилинъ почему-то былъ въ брюкахъ генерала, въ мундирѣ подполковника.

25-го ноября состоялся бенефисъ артиста М. К. Звѣркова-Любскаго, поставившаго «Богатырь вѣка», «Русскія пѣсни въ ликахъ». Въ общемъ, спектакль прошелъ не дурно. Бенефициантъ отъ публики получилъ подарокъ.

23 ноября, въ мѣстномъ театрѣ купца Текутьева, былъ данъ концертъ подъ управленіемъ г. Александрова. Программа концерта пестрѣла. Мѣ. вродѣ: «Моего-ль вы знали друга» изъ оперы «Аскольдова могила» исп. хоръ. Исполненіе Мѣ. овъ — болѣе чѣмъ слабовато. Публики было очень мало, и пришлось пѣть передъ пустыми стульями. Сборъ не превысилъ 8 руб.

Его.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ. Итальянская опера успѣла уже достаточно объяснить свой «артистическій обликъ». Нужно сказать, что составъ труппы вполнѣ приличенъ — ничего выдающагося ни въ ту, ни въ другую сторону. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить даровитаго тенора г. Синьоретти, который съ честью могъ-бы занимать мѣсто премьера въ любой столичной итальянской оперной труппѣ. Послѣдшіе послѣдніе годы столицу — г-г. де-Марки, Гарулли, Броджи и Равелли стоятъ всѣ безусловно ниже г. Синьоретти. Голосъ пѣвца не очень большихъ размѣровъ, свободно доходящій до верхняго ла, очень мягкаго тембра и одинаково ровный во всѣхъ регистрахъ и прекрасно разработанный; владѣтъ своимъ голосомъ пѣвецъ мастерски, и будучи хотя по характеру голоса лирическимъ теноромъ, однако, съ успѣхомъ исполняетъ партіи тенора di forza. Ко всему этому нужно прибавить кручинный драматическій талантъ, заставляющій увлекаться даже холодную шведскую публику, какъ это было при исполненіи артистомъ партіи Элеазара въ «Жидовкѣ»; этой стороной своего таланта пѣвецъ напоминаетъ намъ даровитаго Н. Н. Фигнера. Вредить немного пѣвцу только его не вполне сценичная вѣжливость и не молодой уже возрастъ.

Второй величиной — не по успѣху, а по артистическому достоинству — нужно поставить г-жу Коломбати, колоратурное сопрано; пѣвица поетъ уже третій сезонъ въ Гельсингфорсѣ съ значительнымъ успѣхомъ и сдѣлалась любимицей мѣстной публики; голосъ ея тоже небольшихъ размѣровъ, но очень хорошо разработанъ и пѣвица распоряжается имъ очень умѣло; низкія ноты немного глухи, верхи звучатъ чисто и сильно; но колоратура, въ особенности-же трель, тяжеловѣсна; тембръ голоса симпатичный. Игра вполнѣ удовлетворительна, грѣшатъ по временамъ излишней холодностью.

Слѣдъ за г-жею Коломбати, отыѣтимъ драматическое сопрано, г-жу Баччи, (дочь г-на Синьоретти), молодую пѣвицу съ хорошей будущностью. Пѣвица общается выработаться въ очень хорошихъ драматическое сопрано именно въ будущемъ, когда ея темпераментъ будетъ немного болѣе уравновѣшенъ; въ настоящее-же время молодая артистка, являясь блестящимъ образцомъ итальянской живости и страсти, склонна къ утри-

ровкѣ драматическихъ положеній, что немедленно отражается на пѣвнн, въ видѣ неправильностей интонаціи или, что еще чаще, излишняго форсированія голоса. Голосъ, самъ по себѣ, очень большаго діапозона и заключаетъ много металла. Для полноты отчета нужно еще упомянуть объ одной «крупной» величинѣ — г. Пимашони. Это артистъ, выдающійся прежде всего своимъ гигантскимъ ростомъ, а потомъ своимъ могучимъ голосомъ; это настоящій драматическій баритонъ, baritone di forza, голосъ котораго по мощи напоминаетъ голосъ г. Таманьо, но, къ сожалѣнію, еще въ меньшей степени, чѣмъ у г. Таманьо, обладаетъ мягкостью или пѣвучестью; рѣпо у этого пѣвца почти отсутствуетъ, нижній регистръ очень глухъ, игра деревянная и ограничивается однообразными жестами правой руки. Наружность пѣвца очень «сценичная» и благодаря ей, артист пользуется большимъ успѣхомъ въ публикѣ. Поставлены до сихъ поръ кромѣ упомянутыхъ въ прошломъ отчетѣ оперъ еще «Жидовка» и «Трубадуръ».

Л.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Съ 5-го по 19-е января 1898 г.

Александринскій театръ. Вторникъ, 6-го января: «Въ новой семьѣ», др. — Среда, 7-го января: «Виноватая», ком. — Четвергъ, 8-го января: «Джентльмены», ком. — Пятница, 9-го января: «Мирская вдова», др. — Воскресенье, 11-го января, утромъ: «Правда — хорошо, а счастье лучше», ком. (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Венеціанскій купецъ», тр. — Понедѣльникъ, 12-го января: «Джентльмены», ком. — Вторникъ, 13-го января: «Виноватая», ком. — Среда, 14-го января: «Свадьба Кречинскаго», ком. — Четвергъ, 15-го января: Бенефисъ г-жи Свинзлѣ. «Маріанна Велдъ», пьеса — Пятница, 16-го января: «Безъ вавѣта», ком. — Воскресенье, 18-го января: Утромъ: «Недоросль», ком. (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Волки и овцы», ком.

Михайловскій театръ. Вторникъ, 6-го января: L'enfer, com. nouv. (1-er abonnement, spect. № 16). — Среда, 7-го января: «Невѣрная», ком. — Четвергъ, 8-го января: L'enfer, com. nouv. (2-ème abonnement, spect. № 16). — Пятница, 9-го января: «Передъ свадьбой», ком. — Суббота, 10-го января: Bénéfice de m-me Dharville. «Jalousie», com. nouvelle (Abonnement susp.). — Воскресенье, 11-го января: «Травата», оп. — Понедѣльникъ, 12-го января: «Jalousie», com. nouvelle (Abonnement susp.). — Вторникъ, 13-го января, «Jalousie», com. nouv. (1-er abonnement, spect. № 17). — Среда, 14-го января: «Гибель Солома, др. — Четвергъ, 15-го января: «Jalousie», com. nouvelle (2-ème abonnement, spect. № 17). — Пятница, 16-го января: «Отчий домъ», др. — Суббота, 17-го января: Bénéfice de m-me Dux. «Les 3 filles de m-r Dupont, com. (Abonnement suspendu). — Воскресенье, 18-го января: «Невѣста-лунатикъ», оп.

Маринскій. Вторникъ, 6-го января: «Дубровскій», оп. — Среда, 7-го января: Бенефисъ г-жи Пьерини Ленъяни. «Раймонда», бал. — Четвергъ, 8-го января: «Юланта», оп.; «Цаццы», оп. (8-е представленіе 5-го абонемент.). — Пятница, 9-го января: «Самсонъ и Далила», оп. — Воскресенье, 11-го января: «Раймонда», бал. (28-е предст. абонемента). (Цѣны мѣстамъ возвышенныя). — Понедѣльникъ, 12-го января: «Евгеній Онѣгинъ», оп. (9-е предст. 1-го абонемент.). — Вторникъ, 13-го января: «Лоэнгринъ», оп. — Среда, 14-го января: «Юаннъ Лейденскій», оп. (8-е предст. 3-го абонемента). — Четвергъ, 15-го января: «Фра-Діаволо», оп. (9-е представленіе 2-го абонемента). — Пятница, 16-го января: «Дубровскій», оп. — Воскресенье, 18-го января: «Раймонда», бал. (29-е предст. абонемент.). (Цѣны мѣстамъ возвышенныя).

Справочный отдѣлъ.

Н. А. Молчановъ. Свободенъ на лѣтній и зимній сезоны 1898—99 годы. Любовникъ-простакъ и характерныя роли, а также и куплетистъ. Условія по соглашенію. Адресъ (до Великаго поста). Новгородъ, театр. Позднѣе, С.-Петербургъ, Колокольная ул., д. № 9, кв. 15.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

1898 г.

Открыта подписка на журналъ

1898 г.

ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО

(II-й годъ изданія).

Журналъ „Театръ и Искусство“ будетъ издаваться въ 1898 г. по прежней программѣ к съ прежнимъ составомъ сотрудниковъ. Въ 1897 г. помѣщены были произведенія слѣдующихъ лицъ:

Авсѣенко В. Г., Александрова Н. А., Амфитеатрова А. В., Арбенцева Н. Ф., Бастунова Э. Д., Бенцовина Б. И., Генкина В. Г., Гибдича П. П., Далматова В. П., Дьялова А. П., Каргьева М. В., Карцова Е. П., Каторозовскаго П. М., Кояловича М. М., Крайченко Н. П., Кугеля А. Р., Ленскаго А. П., Немировича-Данченка В. Л. И., Плещеева А. А., Поташенко И. Н., Преображенскаго В. П., проф. Сакетти Л. А., Тихонова В. А., Федорова Н. Ф., Фруга С. Г., Южнаго М. Г., Ясницкаго І. І. и др.

Кромѣ названныхъ лицъ, общано сотрудничество:

Вейнберга П. И., Влейхмана Ю. И., Голицына кн. Д. И., (Муравлина), Корнифскаго А. А., Немировича-Данченко Вас. И., проф. Соловьева Н. Ф. и нѣк. др.

Сочувствіе читающей публики позволяетъ вмѣстѣ съ значительнымъ улучшеніемъ содержанія и внѣшняго вида журнала, увеличить объемъ печатнаго матеріала. Кромѣ пьесъ (отдѣлъ литературно-драматическій), по мѣрѣ накопленія матеріала, подписчики будутъ получать выпуски критико-біографическаго иллюстрированнаго словаря

„Современныхъ дѣятелей сцены“,

куда войдутъ портреты, біографіи и характеристики. причѣмъ выдающимся дѣятелямъ будутъ посвящены обстоятельныя статьи. Для удобства подписчиковъ, словарь будетъ печататься въ книжномъ форматѣ. Усѣхъ подобнаго обширнаго труда зависитъ во многомъ отъ поддержки и сочувствія сценическихъ дѣятелей, и редакція обращается съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ безъ изъятія артистамъ и артисткамъ, концертантамъ дирижерамъ, драматическимъ писателямъ, композиторамъ, критикамъ, столичнымъ и провинціальнымъ, преимущественно къ тѣмъ коимъ фамиліи (сценическія) начинаются на первыя буквы алфавита прислать въ возможно скоромъ времени въ редакцію біографическія и сценическія свѣдѣнія, и также имѣющіеся литературный матеріалъ, который по мнимоетіи надобности, будетъ возвращенъ съ благодарностью

Подписная цѣна на годъ съ доставкой . . . 6 р.

„ „ „ полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и по 2 р. 1 марта и 1 июня.

Подписки принимаются въ конторѣ: С.-Петербургъ, Моховая, 45.

Въ Москвѣ розничная продажа и подписка въ конторѣ Н. Печковской.

Редакторъ А. Кугель.

Издательница З. Тимофеева (Холмская).

(Открыта подписка на 1898 годъ на журналъ

„ЦИКЛИСТЪ“,

поступая въ IV годъ изданія и расширяя свои задачи, «Циклистъ», съ 1-го января 1898 года будетъ выходить по субботахъ въ видѣ изящныхъ брошюръ въ цѣстной обложкѣ съ значительно увеличеннымъ количествомъ художественныхъ и юмористическихъ иллюстрацій, при чемъ, по мѣрѣ надобности, среди недѣли будутъ выпускаемы добавленія.

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ города и доставкой остается прежняя: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., на 1 мѣсяць—60 коп.

Программа «Циклиста»: Правительственный и административный распоряженія, передовыя статьи, телеграммы и корреспонденціи (изъ городовъ Россіи и заграничныя), касающіяся велосипеднаго спорта. Дѣятельность велосипедныхъ обществъ, клубовъ и кружковъ. Путешествія, гонки и рекорды на велосипедахъ. Фельетонъ на злободневныя темы о велосипедѣ и велосипедистахъ. Юмористическія и художественныя рисунки или быта велосипедистовъ. Изобретенія и усовершенствованія въ области велосипеда. Всѣ велосипедныя новости. Справочный отдѣлъ, которымъ пользуются многія велосипедныя общества для оповѣщенія своихъ членовъ и членовъ другихъ обществъ о предлагаемыхъ гонкахъ, собраніяхъ, увеселеніяхъ, совместныхъ поѣздкахъ и проч. Кромѣ того, въ программу журнала входятъ слѣдующіе отдѣлы, интересующіе каждого велосипедиста: личный спортъ, автомобильизмъ (самопередвиженіе), воздухоплаваніе, водяной и конькобѣжный спортъ, атлетика, боксъ, фехтованіе и др. физическія упражненія. Всѣ выдающіяся событія «Циклиста» огибаетъ въ живою, общедоступною формѣ.

Издатель И. Я. Липскеровъ. Редакторъ-издатель Д. П. Голомъ. Адресъ: Москва, Кузнецкій мостъ, редакція «Циклиста».

(3—2)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 Г.

XIII-й
ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

II-й г.
изд. Н. Н. Животова.

„ЗВѢЗДА“

Изданіе Н. Н. Животова.

„ЗВѢЗДА“ выходитъ каждое воскресенье въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ съ иллюстраціями.

„ЗВѢЗДА“ даетъ каждый мѣсяць большой томъ романовъ. Всѣхъ 12 книгъ въ годъ до 200 печ. листовъ каждая.

„ЗВѢЗДА“ даетъ преміи и приложенія.

„ЗВѢЗДА“ издается Н. Н. Животовымъ, авторомъ романовъ: „Микарка Душегубъ“, „Цыгип. Яшка“, „Плѣнныя Горюны“, „Пираты Вѣсы“ и т. д. Очерковъ: пьесъ дней изъ знаменитыхъ комикъ, шестъ дней бродяжничества, офиціантомъ, фавелышникомъ и т. д. Н. Н. Животовъ печаталъ статьи ежедневно въ „Новостяхъ“ (съ 1879 по 1889 гг.), газетѣ „День“ (съ 1889 по 1893 г.), „Петербургскомъ Листкѣ“ (съ 1893 по 1896 г.) и „Петербургской Газетѣ“ (1897 г.). Издавая нынѣ свой органъ, г. Животовъ исецѣю посвящаетъ ему свои силы.

„ЗВѢЗДА“ для многихъ можетъ замѣнить ежедневную газету, и кромѣ того даетъ возможность, въ нѣсколько лѣтъ составить цѣлую библиотеку.

„ЗВѢЗДА“ даетъ 12 книгъ, стоящихъ въ отдѣльной продажѣ дороже подписной цѣны, такъ что самый журналъ подписчики имѣютъ ДАРОМЪ.

Подписная цѣна въ годъ 6 руб., на мѣсяць 50 коп., отдѣльныя №№ у газетчиковъ по 5 коп., отдѣльныя книги въ продажѣ по 50 к. (3 2)

Редакція: С.-Петербургъ, Кабинетская ул., № 22.
Подписываться можно открытымъ письмомъ.

ХІ-й годъ изданія. „СВЕРЪ“ ХІ-й годъ изданія.
Ежедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

выходящій подъ редакціей **А. А. Коринфскаго**.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала будутъ печататься произведенія М. Н. Альбова, А. В. Амфибратова, С. А. Андреевскаго, К. Д. Бальмонта, К. С. Баранцевича, А. Н. Будницкаго, И. А. Бунина, Н. В. Быкова, Л. Б. Зейнберга, В. Л. Велляччи, гр. А. А. Голенищенна-Кутузова, П. Г. Ганзена, И. А. Гофштеттера, П. И. Доброгворскаго, С. Д. Дрожжина, Я. Е. Егорова, А. Е. Зарипа, А. П. Конкина, А. В. Кружкова, П. А. Кускова, В. П. Лебедева, В. С. Ляхачева, М. А. Лохвицкой, А. А. Лугового, К. А. и С. В. Максимовъ, Д. Н. Мамана-Сибиряка, Л. М. Медведова, Н. М. Мяскаго, Д. Л. Михаловскаго, В. М. Михеева, проф. Н. А. Орлова, П. А. Панина, П. О. Порфирова, Н. Н. Потапенки, М. Н. Пылева, гр. Е. А. Салиаса, В. И. Свѣтлова, К. К. Служевского, П. А. Соловьева-Несмѣлова, Ф. К. Сологуба, проф. Н. В. Сорокина, В. А. Тиханова, Л. Н. Трефолева, кн. Э. Э. Мхтомскаго, К. М. Фофанова, Ф. В. Черниговичъ, Ант. П. Чехова, О. Н. Чюминой, П. Л. Щеголева и другихъ писателей.

Въ 1898 году подписчики журнала „Сверъ“ получаютъ:

52 №№ иллюстрированного журнала, изъ которыхъ съ картинными рисунками извѣстныхъ русск. и иностран. художн.

52 №№ еженедѣльн. „СВЕРЪ“ (въ форматѣ газет. лист. убористой печати).

12 томовъ „БИБЛИОТЕКИ СВѢРА“, важнымъ образомъ отъ 160 до 240 страницъ

плотного шрифта, въ которыхъ будетъ дано

Собраніе новѣйшихъ романовъ **ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА** 1) „БЕЗЪ ДОГМАТА“, 2) „СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ“, 3) „QUO VADIS?“ (Намо грядеши?), 4) „КРЕСТОНОСЦЫ“. Этими романами знаменитый писатель создастъ себѣ во всемирной литературѣ громкое имя. Въ отдѣльной продажѣ эти романы будутъ стоить около 10 руб.

12 №№ еженедѣльнаго журнала „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, со множествомъ рисунковъ, выходящихъ одновременно съ однимъ изъ лучшихъ ПАРИЖСКИХЪ МОДНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

12 №№ микроевъ, узоровъ, вышиваній, дамскихъ рукодѣлій, монограммъ, съ пояснительнымъ текстомъ, на отдѣльныхъ большихъ листахъ.

12 №№ еженедѣльн. журн. „ХОЗЯЙСТВО и ДОМОВОДСТВО“, въ которомъ даются совѣты и указанія, необходимыя для хозяйства и домашнего обихода.

КРОМЕ ВСЕГО ЭТОГО ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ „СВѢРА“ ПОЛУЧАЮТЪ БЕСПЛАТНО РОСКОШНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ.

48 иллюстрацій къ полному собранію сочиненій ИВ. СЕРГ. ТУРГЕНЕВА.

Къ альбому будутъ приложены: 1) портреты И. С. Тургенева, 2) вслужительныя статьи объ И. С. Тургеневѣ и 3) пояснительный текстъ къ иллюстраціямъ. Литературно-художественная цѣнность этой главной на 1898 г. преміи журнала „Сверъ“, выходящаго уже свои художественные альбомы въ прозаическомъ Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и гр. Льва Н. Толстого, находится въ великомъ сомнѣніи.

Подписная цѣна со всеми приложеніями:

6 РУБ. на годъ безъ доставки въ С.-Петербургъ. **7 РУБ.** съ достав. и перес. во всѣ города Россіи, за границу на годъ 11 р.

На 6 мѣс. съ дост. и пер. 3 р. 50 к.

„ 3 „ „ „ 1 „ 75 „

„ 1 „ „ „ „ 60 „

Подписки адресуются въ Глав. конт. журн. „Сверъ“ (Спб., Екатерининская, 4) на имя издателя Н. О. Мертца.

Безплатныя бібліотеки и читальни, народныя и церковно-приходскія школы и училища, городскіе и сельскіе учителя и учительницы, сельскіе священники, дьяконы и церковнослужители, служащіе въ земскихъ и частныхъ лечебныхъ фарицеевъ и волостныхъ правленіяхъ пользуются исключительно въ Главной конторѣ журнала „СВЕРЪ“ (Спб. Екатерининская, 4) и не иначе, какъ на годичный срокъ, безъ права передачи другимъ лицамъ или учрежденіямъ. (3—2)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА. НА 1898 г.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Ежедневная дешавая политическая, экономическая, общественная и литературная газета

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей

на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 руб., на мѣсяцъ 60 коп.

Газета „Московский Вѣстникъ“ ставитъ себѣ задачей быть живымъ, разнообразнымъ органомъ и служить читателямъ вѣстникомъ событий и вопросовъ, какъ московской, такъ и общерусской и заграничной жизни.

Къ участию въ газетѣ привлечены наиболѣе популярныя и извѣстныя сотрудники столичныхъ повременныхъ изданій. Газета разсчитываетъ кромѣ того на постепенное разширеніе круга своихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Съ 15-го сентября 1897 года газета выходитъ въ увеличенномъ форматѣ по общегазетной программѣ, заключающей въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Привлеченныя разпоряженія, 2) Ежедневное обзорѣе политической и общественной жизни иностранныхъ государствъ, 3) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и Россійскаго Телеграфнаго Агентства, 4) Мѣстная хроника, 5) Ежедневный фельетонъ общественной, столичной и провинціальной жизни, 6) Мѣстныя отзывы газетъ по разнымъ вопросамъ и разборъ этихъ мѣстныхъ, 7) Свѣдѣнія изъ судебныхъ учрежденій и административныхъ сферъ, 8) Корреспонденціи изъ Россіи и заграничныя, 9) Театральная и музыкальная хроника, 10) Спортъ, 11) Романы, повѣсти, рассказы, очерки и стихотворенія, 12) Смыслъ новости науки, изобрѣтенія, анекдоты, шутки, изданія и полезныя совѣты, 13) Торгово-промышленная хроника, 14) Справочныя свѣдѣнія и объявленія.

Съ доставкой въ москвѣ и пересылкой во всѣ города:

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ, въ конторѣ газеты Петровка, Кузнецкій пер., домъ Арбатскаго; въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. маг. А. С. Суворина.

въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ П. Фену, Невскій просп., въ книжныхъ торговляхъ въ Пассажѣ.

въ Киевѣ, Харьковѣ и Одессѣ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина).

Разсрочка не допускается. Почтовая марка въ уплату не принимается. Гр. годовые подписчики, подписавшіеся еще до 1 декабря текущаго года, будутъ получать газету до конца нынѣшняго года бесплатно. (4—2)

„КИЕВСКОЕ СЛОВО“

Ежедневная литературно-политическая и экономическая газета будетъ выходить въ 1898 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя. 3) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 4) Мѣстныя изъ свѣдѣній о землѣ. 5) Повѣсти и рассказы. 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (Фельетонъ). 7) Обзорѣе русскихъ журналовъ и газетъ. 8) Критика литературная, художественная и театральная. 9) Внутренняя хроника: законодательство и разпоряженія Прислѣствія. Мѣстная хроника г. Киева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края. 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, вѣсточки и другія, процвѣтныя бумаги и акція. Товарный рынокъ. Железныя дороги, пароходы, яхты, чибитки, тенгисы и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Киевское слово“ съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р., на 6 мѣ.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р., безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается рассрочка подписной платы на слѣдующіе условія: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ.

Подписка и объявленія принимаются въ Киевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимирской, д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кузьменко и Л. Издиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцля и К^о.

Гр. многогородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору „Киевскаго Слова“, Большая Владимирская домъ № 35а. (3—2)

За редактора **Е. Игнатъевъ**.
Издательница **В. М. Антоновичъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ

31-ый и Модный Магазинъ, 1898 г.
годъ изданія. Модный и семейный иллюстрированный журналъ,

для юной и сполна модныхъ нумерахъ полный переводъ парижскаго моднаго журнала „LA SAISON“.

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“ сдѣлалъ любимымъ журналомъ русской семьи, пестрою и разнообразною изданіемъ русской хозяйки. „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ щедро даетъ полную картину своихъ отдѣловъ: модъ, рукодѣлій, доводствъ и проч. и большимъ разнообразіемъ.

Нижеприведенный перечень даетъ приблизительно понятіе о богатствѣ содержания этого столь любимого и самого распространеннаго въ Россіи дамскаго журнала.

„Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ“ будетъ заключать въ себѣ въ 1898 году:

24 модныхъ нумера туалетовъ и дамскихъ рукодѣлій, содержащихъ до 3,000 рисунковъ и описаній, объемлющихъ всю область грядущей. Всюобщими рукодѣлія, изображенныя и описанныя удобопонятно и подробно.

24 литературныхъ нумера, содержащихъ повѣсти, рассказы и стихотворенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, картины и рисунки русскихъ и иностранныхъ художниковъ, статьи по женскому дѣлу, анекдоты, афоризмы, хозяйственныя, гигиеническія и педагогическія софты и указанія, предостереженія противъ опасностей, встречающихся въ обыденной жизни, различныя извѣстія, интересныя для женщинъ, и „Почтовый ящикъ“ съ разнообразными указаніями и совѣтами.

24 экстраординарныхъ модныхъ приложенія съ рисунками новейшихъ парижскихъ модъ (hautes nouveautés). Эти 24 приложенія въ общей сложности составляютъ 12 полныхъ нумеровъ.

12 большихъ выкроенныхъ листовъ, содержащихъ около 100 выкроекъ.

Подписчики на 2-е и на 3-е изданіе получаютъ кромѣ всего вышеописаннаго еще сверхъ того:

12 большихъ отлично раскрашенныхъ картинокъ новейшихъ парижскихъ модъ.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дамскихъ и дѣтскихъ костюмовъ и бѣлья.

36 большихъ отлично раскрашенныхъ картинокъ новейшихъ парижскихъ модъ и 12 вырѣзныхъ выкроекъ.

Безплатныя преміи для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ трехъ изданій:

1) Отдѣльныя картинки маскарадныхъ костюмовъ.

2) 12 картинокъ съ рисунками дамскаго перикого платья.

3) Два приложенія спеціально дѣтскихъ модъ: 1) весенняго и лѣтняго и 2) осенняго и зимняго сезоновъ.

4) Стѣнной календарь на 1899 годъ.

Подписчики на второе и третье изданія, кромѣ вышеупомянутыхъ четырехъ премій, получаютъ еще книгу.

5) „Современный спортъ и игры на открытомъ воздухѣ и въ комнатѣ“.

Подписчики на 1-е изданіе, желающіе получить сверхъ слѣдующихъ пяти премій еще книгу „Современный спортъ“, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ одинъ рубль.

ГODOVAYA ЦѢНА „МОДНАГО СВѢТА“ НА 1898 ГОДЪ:

I-го изданія. Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 р., съ доставкой 5 р., съ пересылкою 6 р.

II-го изданія. Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 6 р., съ доставкой 7 р., съ пересылкою 8 р.

III-го изданія. Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 9 р., съ доставкой 10 р., съ пересылкою 11 р.

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ г. А. Ланга, Кулинецкій Мостъ, 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печенковой, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая ул., противъ университета, цѣна 1-му изд.—5 р., 1-му изд.—7 р., 3-му изд.—10 р.

Въ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи „Вѣстникъ Винодѣліи“ В. Е. Тирнова, Канатная ул., № 13.

Въ ВАРШАВѢ, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 69.

Допускается разсрочка, но исключительно при подпискѣ въ конторѣ журнала: при подпискѣ въ провинціи на I изд.—4 р., на II изд.—5 р., на III изд.—6 р., а къ 1-му мая остальные, т. е. 2 р., 3 р. и 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

Подробное объявленіе и каталогъ всѣхъ изданій фирмы „Книгоиздательство Германъ Голпе“ высылаются по требованію безплатно. (3—2)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

НОВЬ

XIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ 1898 г. XIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ 1898 г.
иллюстрированный художественный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ наукъ

за 14 рублей

безъ всякой платы за пересылку премій, подписчики „НОВИ“ получаютъ въ 1898 году, съ послѣднимъ и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія шесть изданій:

1) Журналъ „НОВЬ“ 24 выпуска въ форматѣ наибольшаго европейскаго иллюстрацій.

2) Особый иллюстрированный отдѣлъ „МОЗАИКА“ (24 выпуска), составляющій какъ-бы самостоятельный журналъ по прикладнымъ наукамъ, выходящій въ себѣ 16 рубрикахъ.

3) Журналъ „Литературные СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“ (отдѣлъ для семейнаго чтенія) 12 ежемѣсячныхъ книжекъ, романовъ и повѣстей.

4) Восемь переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій П. П. Мельникова (Андрея Печерскаго).

5) Четыре переплетенныя тома полнаго собранія сочиненій В. И. ДАЛЯ (Какая Луанскаго).

6) Дѣя роскошно переплетенныя книги, формата in-folio, „ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ“, посвященныя описанію Москвы и Москов. провинціи. обл.

Первый номеръ новаго XIV (1898) подписнаго года выйдетъ 15 декабря 1897 года.

ГODOVAYA ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за всѣ выше-объявленныя изданія имѣетъ съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, безъ всякой платы за перес. и досл. безплатныхъ премій. За границу—24 рубль.

Разсрочка платежа допускается, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб.; остальные же деньги могутъ высылаться по усмотрѣнію подписчика ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Къ свѣдѣнію гг. новыхъ подписчиковъ не получавшихъ „НОВИ“ въ 1897 году.

Лично, не состоявшимъ подписчиками „НОВИ“ въ 1897 году и не имѣвшимъ еще первой половины СОБРАНІЙ АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО и первой половины СОБРАНІЙ В. И. ДАЛЯ, могутъ, подписываясь на „НОВЬ“ въ 1898 году, получить первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій А. Печерскаго и первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій В. И. Далея, имѣяго томовъ, выдаваемыхъ въ 1898 году, прежнимъ подписчикамъ. Вторая же половина сочиненій, какъ А. Печерскаго, такъ и В. И. Далея, будетъ выдана этимъ новымъ подписчикамъ въ 1899 году, въ чемъ редакція теперь же и принимаетъ передъ ними обязательство.

Новые подписчики на „НОВЬ“ 1898 года, т. е. лица, не бывшія подписчиками на журналъ въ предыдущемъ 1897 г., при уплатѣ за 1898 г. 26-ти рублей, вмѣсто 14-ти руб., могутъ получить въ 1898 г.:

всѣ 14 томовъ полнаго собранія сочиненій Андрея Печерскаго и всѣ 10 томовъ полнаго собранія сочиненій В. И. Далея,

и также и тѣ дѣя переплетенныя книги „Живописной Россіи“, которыя выданы были подписчикамъ въ 1897 году; значить, имѣяго двухъ книгъ „Живописной Россіи“, они получаютъ четыре переплетенныя книги этого изданія и, вмѣсто 12 томовъ сочиненій А. Печерскаго и В. И. Далея, 25 томовъ.

Подписка принимается исключительно въ вѣдомыхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфа въ С.-Петербургѣ, гостиный Дворъ, 18; въ Москвѣ—Кулинецкій мостъ, № 12 и въ редакціи „НОВИ“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Остр., 16 лин., собств. домъ, № 5—7.

Подробныя объявленія о подпискѣ и условіяхъ разсрочки платежа высылаются изъ Главной Конторы редакціи журнала „НОВЬ“ (С.-Петербургъ, Вас. Остр. 16 лин., д. № 5—7) по востребованію безплатно. (3—2)

„ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО“

Кіевская ежедневная, литературная, политическая и художественная газета съ двухъ-недѣльнымъ художественнымъ приложеніемъ, будетъ издаваться въ 1898 г. по прежней программѣ.

Условія подписки: на 1 годъ—10 руб., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 руб., на 1 м.—1 р., безъ доставки: на 1 годъ—8 р.; на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб., къ 1 мая—3 руб., и къ 1 Іюля—2 руб., а для служащихъ въ администр., судеб., обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые десять мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ Газеты: Кіевъ, Прорѣзья ул. № 8-а (Музыкальный пер.).

Редакторъ-Издатель Е. Б. Миускій. (3—2)

Я УПОТРЕБЛЯЮ

РЕКОМЕНДУЕТСЯ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“

РЕКОМЕНДУЕТЪ

ДЛЯ НѢЖНОСТИ И БѢЛИЗНЫ КОЖИ

• МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ •

ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ.

для роженія волосъ и про-
тивъ перхоти на головъ.
При покупкѣ Элеопата про-
симъ требовать только

ЭЛЕОПАТЬ**КИНУНЕНЪ**

Продается во всѣхъ апте-
кахъ, аптекарскихъ и
парфюмерныхъ магази-
нахъ Россіи.

Цѣна флакону 1 р. 50 к.,
съ пересылкою въ Европ.
Россію 2 руб.

Считаю долгомъ обратить вниманіе почтеннѣйшей пуб-
лики, что въ продажѣ существуетъ много сортовъ вазели-
нового мыла, въ большинствѣ случаевъ сходныхъ по вѣш-
нему виду съ нашимъ мыломъ, но качествомъ своимъ ни-
чего общаго съ нимъ не имѣющихъ, почему и просимъ, же-
лающихъ имѣть настоящее вазелиновое мыло, требовать
всегда „МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ ВАЗЕЛИНОВОЕ ТУАЛЕТНОЕ“ съ тор-
говой маркой на каждомъ кускѣ.

Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ мага-
зинахъ Имперіи.

Цѣна за кусокъ 30 коп.

Коробка въ 6 кусковъ 1 руб. 50 коп.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ,

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. № 120 (30—10)

Подробное наставленіе о способѣ употребленія находится при каж-
домъ флаконѣ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Адресъ для писемъ: Петербургъ, провозу Кинунену, Демидовъ пер., д. № 1.

Новая книга

ПЕЧАТАЕТСЯ

ГРАФЪ ДЕ-РИЗООРЪ

(PATRIE!)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. О. Арбенина.

(Пьеса безусловно разрѣшена къ представленію)

Иллюстрированное изданіе журнала „Театръ и Искусство“.

съ портретами исполнителей и рисунками съ декораций при постановкѣ
на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, СІБ. Моховая, 45.

Въ гор. Ломжу

(губернскій Царства Польскаго)

Съ 1-го Января 1898 г. и на весь

Великій постъ

ЛУЖНЫ

артисты и артистки.

Предложенія адресовать въ городъ
Ломжу, театр, распорядителю товари-
щества П. А. Школьскому. Никакихъ
авансовъ не высылается.

НОВАЯ КНИГА.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ посту-
пила въ продажу новая книга:

„Разбитые кумиры“

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вл. А. ТИХОНОВА.

5—5

На двѣхъ выйдеть изъ печати и посту-
пить въ продажу во всѣ музыкальныя
и книжныя торговли

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

А. Габриловича

на 1898 годъ.

(годъ изданія четвертый).

Справочная и записная карман. книжка

ДЛЯ

АРТИСТОВЪ, МУЗЫКАНТОВЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ.

Цѣна въ изданіи. коленкор. перепл. 1 р.,
съ перес. 1 р. 20 к. Выписывающіе изъ
Главнаго склада (Спб., Разъѣзжая, 15,
кв. 15) за перес. не платятъ. 0—2

Базаръ кустарныхъ издѣлій

Невскій проспектъ, д. № 23.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КУСТАРНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

Цѣны самыя дешевыя,

такъ какъ товаръ безъ посредства комисіонеровъ продается ли чно
кустарями.

Цѣна за входъ 10 коп.

На базарѣ имѣется Эхо Громофонографъ и изобрѣтеніе Г-на Лоре изъ Парижа.

Базаръ открытъ отъ 11-ти утра до 11-ти вечера.

№ 129 (1—1)

При этомъ № для г.г. городскихъ подписчиковъ предлагается объявленіе о благотворительномъ концертѣ,
устройстваемомъ А. С. Озеровой и княжной М. О. Щербатовой.